

Дина Зарубина

**@упруга
с опытом работы**

18+

Дина Зарубина

Супруга с опытом работы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68588282

SelfPub; 2022

Аннотация

Легко ли оказаться в магическом мире, без магических способностей, без божественного покровительства, юной принцессой, которую выдали замуж? А потом еще раз выдали? И еще? Она супруга с опытом, и наконец выбирает себе мужа не по воле отца или Совета магов. Мятеж, побег, козни магов и придворные интриги. Разных неприятностей молодой королеве пришлось хлебнуть полной ложкой. Вероника вовсе не трепетная лань и не нежная фиалка. Ей приходится быть сильной, беспринципной и даже аморальной в стремлении жить своим умом. Королева Вероника правит страной недрогнувшей рукой, плетет интриги и разумеется, не забывает, что она молодая, привлекательная женщина с кипучей энергией и огромным запасом любви и нежности. Третья, заключительная часть приключений принцессы Вероники.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	56
Глава 5	71
Глава 6	87
Глава 7	104
Глава 8	119
Глава 9	137
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Дина Зарубина

Супруга с опытом работы

Глава 1

Утро после свадьбы выдалось ясное, и шаловливые лучи солнца, проникающие сквозь высокие стрельчатые окна, позолотили складки легкого кисейного балдахина над супружеской кроватью. Потянулась и открыла глаза. Ну что же, я замужем в очередной раз. Теперь у королевы снова есть муж, а у Элизии – шанс получить наследника. Можно поздравить меня, и народ Элизии заодно. Если бы не эта безобразная сцена в часовне... Я поморщилась. И как у них наглости хватило пытаться сорвать обряд!

Бывший муж, бывший Избранный, бывший любовник, все пытались заявить свои права на мое тело, руку и корону. Нет, если по порядку, не совсем так, я преувеличиваю. Муж, конечно, бывший, но был он совсем неплохим мужем, и жили мы дружно целых три месяца, не подслушай я случайно занимательный разговор с его братцем. А вот не надо быть легковой идиоткой. Не лгал бы он мне, и все могло быть замечательно, корона ему не нужна была, а денег с землями и своих хватало. Жаль, что я ему не слишком была нужна, хотя свитком о нашем браке он тряс вчера весьма настойчи-

во. Спасибо, папенька аннулировал брак, и все необходимые записи нашлись. Так что притязания Тобиаса Деровера на мою тушку жрец Главного храма счел несостоятельными.

Король Эрберт, властитель соседней державы, по решению Совета магов избрал меня, надеясь получить одаренного наследника, но меня спросить они забыли, и само собой, я не собиралась жить в его гареме, выслушивать придирки его мамы и покорно вынашивать потомство. Причем вся Элизия была уверена, что я честно выхожу замуж, тьфу! Даже девственность магически-хирургически восстановили, чтоб комиссия магов, присутствовавшая при обряде, убедилась в качестве товара.

Я хмыкнула, вспоминая унижительную до невозможности процедуру ритуальной дефлорации. Но король Эрберт брал меня лишь в наложницы, тело в аренду. Тут мне еще проще было принять решение, Избранная – не жена, а принцессу соседней страны держать наложницей – не слишком ли жирно? Да и не нравился он мне. Если бы нравился – другой разговор; жить в женском коллективе – мое призвание, удавалось всех организовать на работе, получилось бы и здесь. Но король оказался не в моем вкусе. Поэтому я жестоко довела короля Эрберта до эректильной дисфункции, вернулась в Элизию и заставила с собой считаться Совет. Как заставила? Стала королевой, естественно, как единственная прямая наследница. В короле Шардана самолюбие взыграло, примчался с требованиями целую королеву ему вернуть в гарем, вме-

сте со всей страной, ага, уже бегу, только бантик на шее завяжу.

А Стефан... даже не хочу вспоминать. И нечего питать глупые надежды, что, ах-ах-ах, он понял, кого потерял, раскаялся и мечтает вернуть, оценил мои редкие душевные качества, красоту и кулинарные способности. Сына он хочет отнять и власть забрать, не зря же он стал предводителем бунтовщиков. Черта лысого я бы ему сообщила о сыне, который получился у нас совершенно неожиданно. Особенно при той змее, которая сейчас ходит в невестах Стефана. Мальчика он никогда больше не увидит, я подобрала ему отличных порядочных родителей, которые вырастят его хорошим человеком, вдали от дворцовых подлецов и интриганов. Может, я и мать-кукушка, но так для сына безопаснее.

У меня тут целая страна, в которой маги распоясались, мятеж этот тлеющий, граждане, недовольные неурожаем и беспорядками. Принесло еще этого фанатика Примаса с моей старшей сестрицей! Ушла в монастырь – значит, ушла, намеки на то, что она тоже имеет права на престол, мне очень не понравились. Не желает он, видите ли, брак скреплять, что-то я слишком часто замуж выхожу.

А я не виновата, что король Адемар шею свернул на охоте! Третий муж. Вот совсем не виновата. Спрашивайте графа Штернблума, он для своего сыночка поле расчищал, желал стать родоначальником новой династии. Я даже против его сына, Жерома, ничего не имела, он мне нравился, и я

питала к нему вполне нежные чувства, пока не убедилась, что парень полностью под влиянием своего отца, да еще и такая дрянь из него полезла, что наказывать пришлось собственноручно. Ну, почти собственноручно, грязная история вышла, неприглядная до омерзения.

Надо же, столько людей были против моего брака, а я все равно замужем! Я ощутила ликование, потянулась и посмотрела на спящего мужа. Самый красивый мужчина Элизии даже спал красиво, тихонько посапывая. Светлые волосы крупными кольцами обрамляли благородное лицо с тонкими чертами. Скульптурные губы, с прихотливо изогнутой верхней, и соблазнительно выпуклой нижней, так и манили сорвать поцелуй. Пушистые темные ресницы отбрасывали тень на щеку. Высокий гладкий лоб, ровный прямой нос с узкими аристократическими ноздрями. Идеальная фигура без единого лишнего волоска, за которой он следил со всем рвением. Тонкие кисти, длинные пальцы, изящное сложение. При этом силен и ловок. Ушки вытянуть, и натуральный эльф получится. Отличный вкус, воспитание, образование, подобающее аристократу. Мечта, а не мужчина!

Я легонько вздохнула. Далеко не все придворные знали, что граф Ромео делла Хара равнодушен к женским прелестям. Разговоры, конечно, разные ходили, но сплетни сплетнями, а знание – знаниями. Я знала точно. Даже знала, что сердце Ромео разбито пренебрежением короля Эрберта. Пока я в гареме уклонялась от близости короля, Ромео его уси-

ленно соблазнял. И король сдался перед обаянием и красотой. Приблизил, обласкал, а потом р-раз! выкинул из страны, вернувшись к своим разжиревшим и холеным одалиским.

Никогда я не увижу в глазах мужа голода и всепоглощающего желания, хотя Ромео меня уважает и ценит. Массаж делает изумительно, в том числе и генитальный. Выйти замуж по любви еще ни одной королеве не удавалось, так что и ныть нечего. Ромео тоже заложник происхождения и положения.

Нам требуется плодотворное сотрудничество. Ромео хоть на корону не претендует, как мой покойный муженек, планировавший меня обрюхатить и сослать в самое дальнее поместье. Ромео на принца-консорта согласен. Я снова повернулась на спину и прикрыла глаза, прокручивая в голове вчерашний вечер.

Часовня, скандал с возражающими против моего брака, свершение обряда после всех препирательств. Потом я сбежала в парк остудить эмоции, и просидела у пруда довольно долго. А вернувшись, увидела во главе праздничного стола своего двойника, в точно таком же платье. Наверное, расчет был на то, что я начну кричать, возмущаться, топтать ногами, там меня бы сразу и приложили бы, хоть мечом, хоть магией, выбирай, что слаще. Потом сообщили бы о мошеннице, мятежнице, попытке переворота. А я вместо этого предпочла остаться живой, надо же, какая неприятность для Примаса, притащившего мою сестрицу во дворец. Собственно, я про-

сто догадалась, что белобрысая девица – моя старшая сестра Лилиан. Лично я ее никогда не видела, потому что попала в тело принцессы Вероники уже после того, как сестрица и ее мамаша отбыли в монастырь.

Да и с провалом штурма¹ что-то нечисто, шли-шли, маги, между прочим, не абы кто, люди опытные, и вдруг – все арестованы, да буквально в течение пары часов? Ушел только раненый Стефан со своей змеей Сабиной. Я испытывала невольную зависть к мерзавке. Не потому, что она вешалась на Стефана, которого я, между прочим, собственноручно спасла от смерти и вылечила. А потому, что Сабина дель Нихль была обученной магичкой, и дар имела необыкновенно сильный, раз ее хватило подкармливать несколько лет выгоревшего мага Венделина. Кто же знал, что он возглавит мятеж, пойдет в столицу, да еще и на меня имеет виды.

В этом неправильном фэнтези мне не то, что магии и суперспособностей не отвесили, или там божественного покровительства, мне банального женского счастья не досталось. Вот этого тихого, душевного, чтоб милый был рядом и коленки гладил. Правда, принцы были, герцоги, и даже король с целой конюшней рысаков, белых, черных, серых в яблоках – грех жаловаться, бурная жизнь вышла.

Маги, выдернувшие меня в этот мир, так и сказали – спасай мир, ложись под короля Эрберта. Я для него изумитель-

¹ События происходили во второй книге трилогии «Королева с опытом работы».

но подходящий аккумулятор магической энергии. Конденсатор-резонатор. А то вдруг надо мир спасать, а король уставший будет.

Разумеется, маги были посланы, обиделись и натравили на меня тогдашнего главу магического департамента виконта Штернблума. С тех пор пошло пять лет, виконт стал графом, первым советником, разобравшись в ситуации, он развернул орудия на сто восемьдесят градусов, снес Цитадель и разогнал Совет магов, усадив меня на престол. Правда, для этого ему пришлось убить папеньку, короля Дориана и множество преданных ему людей, но для политики это мелочи. Граф теперь самый влиятельный член государственного совета, и сильнейший маг после разгона Цитадели. А мне пришлось заниматься немагическими нудными мелочами – финансами, законами, транспортом, сельским хозяйством, поднимать медицину и образование. Рабство отменила. Эмансипацию потихоньку ввожу, за права женщин и детей борюсь. Налоговую реформу провернула. Да-да, я очень много успела сделать для страны за эти годы.

А что в мои любовники молва записывала любого мало-мальски заметного и привлекательного мужчину – так оно даже лучше. Хоть какой-то недостаток для моей лучезарности. Все равно кудрявую блондинку с голубыми глазами за сильного противника никто не принимал достаточно долго. А зря! Вот удар-то был для надменных аристократов, заседающих в Совете! Пока они думали, что королева

развлекается с фаворитами и перемывает кости соперницам, я обрабатывала семьи советников. Женам, само собой, обещала равноправие в семье и финансовую независимость, дочерям – возможность учиться и выбирать супруга самостоятельно, сыновьям – высокие должности и завлекательные перспективы. Удалось старичье потеснить.

Теперь у меня работающий государственный совет, преданные сторонники и обожание народа. Простолюдины даже гордятся тем, что королева у них «ого-го, еще одного любовника завела!». Ставки делают, песенки поют, уличные актеры сценки разыгрывают. Песенки, кстати, сама пишу, хоть какая-то польза от бывшей профессии. И граф Штернблум меня поддерживал, без его магии я для соседних держав просто заманчивая добыча. Армия, магический правопорядок, внешняя политика – туда я и не лезла, там женские хитрости не пройдут, там реальная сила нужна.

Цитадель магов и Обитель занимались магическими изысканиями и в политику официально не вмешивались, но на самом деле еще как лезли! Обители только и надо было устранить магов Цитадели. Не поленился Примас примчаться с другого конца страны. И нашел старый интриган, чем заинтересовать графа Штернблума. Значит, мой самый главный враг на сегодняшний момент – граф с сыном. И самый сильный. Он неоднократно мне доказывал, что рыпаться бесполезно – заклинание подчинения или частичной парализации, стой и моргай, пока он развлекается. Плохо потерять

такого союзника, хоть и опасная была сволочь, но я, как королева, его устраивала. А теперь вот устраивать перестала. Ему предложили полностью подчиненную марионетку, мою сестрицу, заботливо выдрессированную Примасом в Обители.

Вчера, увидев во главе свадебного стола своего двойника, я поднялась под самую крышу, решив выяснить для начала вопрос с платьем – откуда на самозванке мой наряд?

Мне часто приходилось бывать в портняжной мастерской. Мне очень нравилось светлое просторное помещение с высокими столами, заваленное отрезами тканей, с коробками и корзинками, полными пуговиц, ниток, мотков тесьмы и кружев. И чай у них вкусный, не бесцветный дорожный кирнский, пахнувший старыми носками, а черный, с мелиссой и лимоном.

Компанию за чаем мне составила портниха, лира Фелиция, бывший паж Кларенс дель Картелир и рыжая конопатая девушка, улыбающаяся мне тепло и дружески. Иногда я протягивала руку и трогала ее, чтоб убедиться, что она – настоящая. Та самая девочка, которая помогала мне рожать и спрятала моего сына от цепких лап Амелии Денвер, тетки тогдашнего короля, и советника Штернблума². Пока я пила чай, мне рассказывали сплетни о Примасе и моей неожиданно обретенной сестре. И картина получалась мерзкая.

Швея оказалась не виновата. Помаргивая светлыми гла-

² События описаны в книге первой – «Невеста с опытом работы».

зами навывате, лира Фелиция объяснила, что на важные мероприятия платья всегда шьются в двух экземплярах. Мало ли, что может произойти в самый последний момент: птичка некстати пролетит, ливень вдруг разразится, соперница от зависти опрокинет бокал, а то и покушение какое вдруг случится, не может королева в запачканном и порванном платье появиться перед подданными. А второе платье забрал помощник придворного мага еще днем. Жером, значит, был в курсе. Плохо. Придворный маг он теперь у нас, не зеленый адепт Цитадели, бессильный перед женским коварством.

У меня, конечно, было искушение появиться на пиру, грозно сверкая глазами и притопнуть ножкой. Скандалище был бы знатный, это не дворцовая часовня с двадцаткой избранных приглашенных. Но как представила, что в меня полетят боевые заклинания, как граф Штернблум с криком «Самозванка!» приказывает меня арестовать – сразу расхотелось.

Наводить справедливость и доискиваться правды лучше на свободе, а не в тюрьме. Хотя у меня есть знакомый тюремщик Рауль, считающий до сих пор меня служанкой Анни. Против магов у меня есть только женская хитрость, подлость и коварство. Ну, яд разве что еще найдется, рука не дрогнет подлить хорошему человеку – качественный яд! Но на все остальное надо магов подписывать. Магии вот мне ни грамма не отвесили, принцесса Вероника была бесталанной и откровенной глупенькой. Зато прехорошенькой.

– Вот как чувствовал, что что-то случится! – сказал Кларенс.

Я улыбнулась. Как летит время! Возмужал, вырос, настоящим красавцем стал мой бывший паж. Военную академию уже закончил с отличием. Впрочем, чему я удивляюсь, пять лет прошло, а кажется, только вчера он ссужал меня своими штанами, чтоб мне удалось всласть побегать по парку. Тогда мне казалось, что я попала в настоящую сказку, в правильное фэнтези, и была готова развлекаться на полную катушку, получив юное прекрасное тело и внешность нежной белокурой нимфы.

Развлеклась, да, до сих пор вспомнить стыдно, и рассказать кому-то неловко, но – приятно греет душу³. Есть что вспомнить в старости.

– Всего-то хотел посмотреть на королевскую свадьбу! И на Ваше величество. Соскучился очень, – Кларенс застенчиво улыбнулся. В часовню он тоже не попал, куда уж простому дворянину, туда не все аристократы званы были.

Девушка хмыкнула. Рыжая и конопатая служанка оказалась родной младшей сестрой Кларенса.

– Она такая же, как я, – гордо сказал Кларенс. – Это мать и старшие сестры только о тряпках да выгодном замужестве думают. А приданого нет, род у нас не бог весть, какой знатный. Когда меня из пажей выгнали, Флора сразу служить пошла, не стала подачек ждать. Мать сильно рассердилась,

³ Книга первая «Невеста с опытом работы».

ущерб-де дворянской чести и репутации. Но когда узнала, что ее взяли во дворец, даже рада была – вдруг, кто из лэрдов польстится.

– Кому я нужна, – самокритично фыркнула девушка. – Рожей не вышла. А теперь уже и руки работой испортила.

– Погоди, а как тогда ты оказалась в поместье Денверов? – спросила я. Что ни говори, рожать мне пришлось именно с помощью этой тощей девочки, а такое забыть не просто. Конечно, теперь она была вполне развившейся взрослой девицей, но я же помню ее другой. Конопушки и глазищи на поллица.

– Так я велел с вас глаз не спускать! – Кларенс довольно прищурился. – Ее тогда в резиденцию не взяли, но Флора – девочка умная, ушки на макушке, услышала, куда вас послали, да и напросилась к маркизе Денвер в поместье, туда не больно-то наберешь вышколенную прислугу. Из столичного дворца не много желающих в захолустье поехать, даже за двойное жалованье.

– Очень помогла. Спасибо, – уткнулась в кружку, вспоминая мрачное поместье. – Я искать тебя потом пыталась, не нашла. А кто ребенка на хутор отвез?

– Так наш старший брат! Разве такое дело можно чужому человеку доверить? Он, конечно, ругался, но все сделал, как нужно.

– Я никогда не забуду этого, – я благодарно посмотрела на Кларенса и Флору.

– А теперь он какой, ваш сынок? – любопытствовала Флора.

– Не знаю, жив ли, – я проглотила комок в горле. Мой Марк с новыми родителями пропал. Сведения о кораблекрушении еще не уточнялись.

Повисло тяжелое молчание. Брат с сестрой переглянулись и одновременно вздохнули.

– А теперь-то как быть? – лира Фелиция сунула мне в руку сахарную плюшку, как раньше подсовывала служанке Анни. Испуганно ойкнула, ожидая, что мое величество оскорбится. Ага, щаз! Плюшками оскорбить нельзя! Сдоба – моя слабость! При таких стрессах можно и плюшку слопать безнаказанно.

– Флора, ты вхожа в королевское крыло? Надо бы сходить, – плюшку пришлось временно отложить. Еще не хватало, чтоб на супружеское ложе успела пролезть эта дрянь белобрысая. Я значит, всем рискнула, чтоб замуж выйти, а ей подавай готовенькое, моего красавчика?

– Вам в таком виде нельзя! Вас ведь ищут!

Я только ухмыльнулась, когда швея достала из шкафа знакомую форму дворцовой горничной. Ну конечно, форму ведь надо и подшить, и заштопать, и новую пошить, вот и запас есть на основные размеры. Слуг под две сотни во дворце, и никто на них не смотрит.

Кларенс в ливрее держал тяжеленную корзину с постельным бельем, а мы с Флорой слаженно расправляли складоч-

ки на шелковых сиреневых простынях. Королевское ложе было такое огромное, что заправить его одной служанке было делом невозможным. Заодно мы послушали, как лже-королева скребется в дверь смежной спальни.

– Мой дорогой супруг, разве вы не посетите меня сегодня, в такой радостный и счастливый день? – сладким голосом спросила она, прислушиваясь к шорохам за дверью, и переминаясь с ноги на ногу на пушистом шандарском ковре.

– Непременно, моя дорогая супруга, как только вы мне покажете свой брачный браслет, – раздался голос Ромео.

Мы переглянулись с Флорой. Не далее, как полчаса назад, я защелкнула свой свеженький браслет на собственном манекене в швейной мастерской. Уж очень мне понравилась ростовая кукла, изображающая меня, копирующая все мои размеры, включая размер ноги. Я даже не знала, что такая есть. Массивный брачный браслет, украшенный драгоценными камнями, явно не подходил к костюму горничной.

– Мой дорогой супруг, вы не сможете его увидеть через дверь, – не сдавалась самозванка.

– А вы подсуньте браслет под нее! – голос Ромео был вежлив, но полон злорадства.

– Я не понимаю, в чем вы меня подозреваете, – обиженно протянула самозванка и обернулась к нам.

Пора! Кларенс взмахнул покрывалом, накрывая лже-королеву с головой, а мы с Флорой тут же повалили ее на пол, заботливо заворачивая со всех сторон. По голове я лич-

но стукнула самозванку с огромным удовольствием. Недрогнувшей рукой. Опыт был, пришлось в свое время канделябром вырубать неудачливого насильника. Сестра обмякла в шелковом коконе. Кларенс уложил плотно обмотанную фигуру на дно корзины, забросав сверху простынями. И не надо мне тут про «сначала поговорить» и сестринскую любовь! Если бы она не залезла в мое платье и на мое место, я была бы не столь решительна. Всепрощением и излишней добротой не страдаю, быстро отучилась гуманизм проявлять. Сначала надо оглушить и связать, а гуманизм подождет.

– Всего-то, – разочарованно протянула Флора. – Управились за пять минут.

– Не придирайся, – пропыхтел Кларенс, подтаскивая корзину к выходу.

Под внимательными взглядами охраны Кларенс вытащил корзину из спальни, волоча по полу, а мы по мере сил помогали.

Конечно, проще было сразу остаться в спальне, заняв свое законное место, но зашли две служанки и лакей с корзиной, и выйти должны были две служанки и лакей с корзиной. Ни к чему волновать стражу, до трех они считать точно умеют.

Вот вроде сестра худенькая, маленькая девушка. А весит, как слон! Я взмокла, пока мы донесли корзину до служебного лифта. Кстати, очень удобно – грузовой лифт, закинул корзину в неприметную нишу в стене и отправил вниз, не надо тащить тяжести, пересчитывая ступени. И кухонные лиф-

ты я всецело оценила еще служанкой – не с тяжелыми подносами шнырять по лестницам и коридорам, а набрала, что нужно, да отправила наверх, в буфетную. Не знаю, как оно работает, ни в магии, ни в механике не разбираюсь.

В цокольном этаже возле прачечной мы корзину вытащили, белье унесли в прачечную, а девушку пришлось связать и временно запереть в кладовой. Завтра разберемся. С чувством пожав руки Кларенсу и Флоре, я снова переоделась в свое свадебное платье и спокойно прошла в королевскую спальню через лабиринт гостиных и приемных. Поскреблась в дверь супруга.

– Я сплю! – напряженным голосом ответил Ромео.

– Ромео, это я, – отозвалась я. – Давай уже, открывай.

– Не открою!

– Ромео, к атласному пиджаку, который мы придумали, лучше идут малиновые лацканы! – громко прошептала я в замочную скважину.

Когда Ромео еще был моим женихом, мы нашли упоительное занятие, и просиживали целые часы в библиотеке, придумывая новые фасоны одежды. Как мы хохотали! Я в молодости серьезно выбирала между профессией дизайнера-модельера и дизайнера рекламы. Развития рекламы тут пока не предвиделось, но в тряпках я немного разбиралась. Ромео тогда потрясла моя фантазия, и он тут же заказал себе по моим выкройкам дюжину ярко-розовых шелковых трусов с сердечками. Это вызвало фурор в мужских купальнях, и с

нашей легкой руки батистовые мужские подштанники ниже колен с кружевными воланами ушли в небытие. Ну, и дамские корсеты, само собой, раздавливающие грудь и деформирующие ребра, я ликвидировала на корню. А то эти придворные кокетки, даже глубоко беременные, утягивались в рюмочку.

– Фиолетовые! – возмутился Ромео. Послышались быстрые легкие шаги и через минуту дверь открылась. Мой супруг в длинном черном шелковом халате и босой, крепко обнял меня и погладил по спине. – Какое счастье, ты жива!

– Не дождутся, – фыркнула я. – Я видела тебя за столом рядом с этой дурой.

Ромео заботливо усадил меня в кресло, налил бокал вина, подвинул вазу с фруктами, сел на ковер у моих ног, заглядывая в глаза:

– Вероника, я понимаю, что все сложно, но что происходит во дворце?

– Во дворце происходит захват власти религиозными фанатиками, – я впилась зубами в золотистый бок персика. – Примас отказался нас женить. А когда... гм-гм, по состоянию здоровья вдруг слег, то брак пришлось заключать жрецу Главного Храма. Но Примас приволок мою сестру, и ему удалось ее подsunуть, на мое место, пока я в растрепанных чувствах блуждала по парку. Чуть корону не проворонила, увлекшись свежим воздухом. А они и не подумали меня искать в парке! Полагаю, морок на лицо сестре накладывал или

Жером, или его папаша. А может, и сам Примас. Не похожа она на меня. Сходство есть, но незначительное. Последняя любовница Штернблума, блондинка Сюзанна, и то больше на меня походила. Ну, которую он вместо меня показывал народу, пока я с пузом была.

– Я сразу заметил, – кивнул Ромео. – Другие жесты, голос, взгляд.

Я благодарно погладила его по руке. Не будь он равнодушен к женским прелестям и так внимателен к деталям, сейчас бы в его спальне была моя сестрица и требовала подтверждения брака. Фигу ей с маслом!

– Давай спать, дорогой супруг, денек выдался тяжелый.

– У нас сегодня брачная ночь, – напомнил Ромео со вздохом.

– Да ладно, ты здоров, я здорова, как-нибудь с наследником разберемся, – успокоила я мужа. Ромео предупредительно протянул руку, помог встать и, зайдя мне за спину, стал ловко расшнуровывать платье.

– Никогда не думал, что буду настолько рад оказаться женатым, – усмехнулся Ромео. – И сплетникам рот заткнули, и Эрберту было неприятно видеть меня счастливым. Я улыбался так, что щеки до сих пор болят. Мать прислала письмо с поздравлениями, она в восторге.

Ромео вздохнул почти неслышно, стягивая с меня платье. Я перешагнула вороха нижних юбок, оставшись в почти прозрачной нижней сорочке. И почему в фэнтези героини обыч-

но настолько стыдливы, что постоянно кутаются в простыни и покрывала? Теряют сознание от голого мужского торса. Или я откровенно развратна? Или, может, просто у меня хорошая фигура? Стесняться мне нечего, в наготу ничего особенного не вижу, чтоб спокойно пройти из спальни в ванную, не прикрывая руками стратегические места. На фотосессиях сколько я обнаженки посмотрелась в своем рекламном агентстве! Ромео и вовсе стыдиться нечего, его голая женщина не возбуждает в принципе, хоть какой обладай фигурой или полным ее отсутствием.

– Не грусти, Ромео, – я погладила его по щеке. – Прямо завтра наследника от нас никто не ждет, выдыхай. К тому же мы уже попробовали, что там может не получиться? Мне с тобой было хорошо. Ну и конечно, я не буду требовать верности и прочих глупостей. Только выбирай любовника очень тщательно. Обещаю не ревновать. И... попозже, ладно? Месяца через два-три, пусть уляжется эта свадебная волна. Разговоров тут не на один месяц хватит.

Ромео хмыкнул.

– А как твои любовники?

Как на грех, на данный момент у меня никого не было. Как всегда, приписывали мне значительно больше, чем могла выдержать даже очень темпераментная женщина.

– Мои парни тебе не подойдут, – улыбнулась я.

– Примас считает, что я провожу ночь с его подстилкой, а я провожу ночь с самой умной и красивой женщиной Эли-

зии, – Ромео чмокнул меня в щечку.

– Разумеется, я же тут королева, – сонно согласилась я.

Глава 2

– Любовь моя, пора вставать, – я погладила Ромео по плечу.

Муж открыл свои бесподобные, сияющие голубые глаза, и я чмокнула его в нос.

– Рано же еще, – пробурчал он и потер лицо ладонями.

Но дел было по горло. Заглянувшая в спальню моя личная горничная приложила пальчик к правому углу рта, это означало, что есть новости, и я отправилась слушать слухи и сплетни, собранные прислугой. Оно, конечно, мне не по чину и не положено, но юркие служанки и вездесущие пажи видели и слышали зачастую намного больше, чем охрана. Да и не доверяла я нынешнему начальнику гвардии, не терплю непрофессиональных людей. При нем королеву подменили, а он и не заметил. Дурак. Моя старшая горничная Нелл сто очков даст начальнику тайной канцелярии по конспирации и шпионажу. А Ринальдо дель Грава, муж моей любимой подруги, отвечает за весь дворец, не разорваться же ему!

После чашечки кофе я раздала указания горничной и камеристке и пошла в тренировочный зал. Мастер фехтования уронил любовно начищаемую шпагу, когда я гаркнула «Доброе утро» у него над ухом.

– Всеединый! Ваше величество?! После свадьбы... в семь утра на тренировку?!!

– У меня только час, давай заниматься, Риттер, – поторопила я его.

Мастер терпеть не мог женщин вообще и у власти, в частности, но учиться больше не у кого было. Наемницы такого класса мне не встретилось, хотя вот секретаря я с удовольствием заменила образованной и трудолюбивой девушкой из хорошей семьи.

После завтрака я быстро провернула совещание, куда зашла и мужа. Ромео отнекивался и упирался, но я была непреклонна. Мы договорились, что за всю красоту в стране отныне будет отвечать он, так что пусть трясет издательства и театры, посещает галереи и музеи, составляет план мероприятий для дворца, столицы и крупных городов, ну и за модой следит, само собой, вводит в обиход новинки – работы хватит. Будем считать, целое министерство культуры пристроила в хорошие руки. А что они у него хорошие, я не сомневалась.

Мне доложили, что Примас планирует покинуть дворец. Ну и ладушки, отличненько, мне он тут совершенно ни к чему. Мне и графа Штернблума с сыночком за глаза хватит. Кстати, граф не почтил своим присутствием совещание, что меня насторожило. Значит, граф в курсе, что королеву заменит марионетка Примаса и назначенное собрание проигнорировал, резонно рассудив, что монастырская послушница и по совместительству секс-рабыня в государственных делах ничего не смыслит. Интересно, о чем эти пауки договори-

лись, что ему Примас посулил?

Ответ на этот вопрос я нашла очень быстро. Примас пообещал графу меня. В безраздельное пользование. Напросившись на аудиенцию, Примас посверлил меня оценивающим взглядом, а затем высказал недовольство.

– Лилиан, зачем вы провели совещание? Вы могли разоблачить нас!

– Королева проводит их дважды в неделю, я старалась выглядеть достоверно, не это ли вы требовали? – я скромно опустила глазки, выпрямившись в кресле.

– Хотите сказать, что советники и министры ничего не заметили? И ваш муж?

– Слушать доклады не показалось мне слишком трудной задачей, – осторожно ответила я. – А муж не пустил меня в спальню. Вы обещали мне иное.

– Ну-ну, не огорчайся, дитя мое. Граф Штернблум зато остался тобой весьма доволен и отныне он твой защитник и покровитель. Будь ему покорна во всем.

– А как же вы? – забеспокоилась я.

– Вот выполнишь свое предназначение и вернешься в Обитель, к своему служению, – Примас сладко улыбнулся и зашевелил толстыми пальцами. От многочисленных колец с крупными камнями разлилось радужное мерцание. – Слушай только меня, дитя мое!

Настойчивые резкие зайчики резали глаза, и я сощурилась. Мягкий обволакивающий голос бархатом разливался

в голове, пробиваясь сквозь какие-то нарастающие со всех сторон белые ватные пласты. Я с усилием проморгалась. Ах ты, маг недоделанный! А Примас-то у нас – гипнотизер! И судя по всему, весьма недурной гипнотизер! Ментальная магия, ага, как же! Вполне научный гипноз! Я тут же занялась мысленным огораживанием своего сознания бронированными дверями, пропустив часть указаний.

–...найдешь накопители, после этого ты заколешь графа Штернблума вот этим отравленным стилетом, – ласково вещал голос. – Свершишь все это и забудешь мой приказ. Ты вернешься в Обитель, и мы будем очень счастливы.

Радужное мерцание прекратилось и Примас, ухватив меня за подбородок, цепко заглянул мне в глаза. Я постаралась принять сонное выражение и похлопала глазами.

– Вы что-то сказали, мой господин?

– Навещай почаще того мага в подземелье, дитя мое, это человеколюбиво и милосердно, – добродушно напомнил Примас.

Я послушно кивнула, лихорадочно соображая. Зачем навещать в тюрьме бывшего придворного мага? Он выгорел после пыток графа, мне удалось немного восполнить его резерв, но магу его не хватало, и ему требовалась заимствованная магия, которую Венделин восполнял через близость. По несколько раз в день. Он чуть не выпил Сабину досуха во время нашего бесславного похода на столицу. Но Лилиан – не маг.

Венделин был очень сильным магом и при противостоянии советника и бывшего придворного мага благоприятный исход для советника был бы весьма сомнительным. Примас хочет свалить Штернблума. Ну, а если погибнет Венделин, то граф и Примас – лучшие друзья навек, даже свою любимую ученицу святой отец пристроил в постельные грелки. А значит, она тоже резонатор, как я? Правда, с отложенным приказом убить графа, но кто про это узнает?

– Вы уже уезжаете, мой господин? – спросила я, нервно сглотнув.

– Наша разлука будет недолгой, дитя мое, – Примас ласково коснулся моей щеки, а меня чуть не передернуло от отращения. Паук, нежно уговаривающий муху вернуться в его паутину!

Примас вдруг одной рукой схватил меня за шею сзади, а второй рукой за талию и дернул к себе. Пискнув, я оказалась на коленях перед Пресветлым.

– Моя послушная девочка, ты так мечтала послужить мне перед отъездом, я вознагражу тебя за терпение, – пропел Примас, распахивая облачение, и передо мной закачался толстый, перевитый венами, тяжелый член с синюшной круглой головкой. О, я не знала, что под мантией служители Пресветлого не носят штанов! Черт! Мама! Я к такому повороту беседы оказалась не готова. Думала, замучает наставлениями, да отбудет пастырь в свою Обитель.

Слова про «подстилку Примаса» оказались не иносказа-

нием, а самой, что ни на есть, буквальной правдой. И что мне теперь делать? Я, конечно, не умру от одного минета, но уж очень противно! И опасно – я ведь не знаю ни техники Лилиан, ни предпочтений этого извращенца!

На мое счастье, в дверь тихонько постучали.

– Я занят! – рявкнул Примас.

– Прошу меня простить, Пресветлый, важные новости, – раздался голос отца Люсиана.

Грязно выругавшись, Примас запахнул полы облачения и пригласил гостя войти. Я так и осталась стоять посреди гостиной на коленях, с ошарашенной физиономией и открытым ртом. Как-то не ожидала от лощеного пастыря таких цветистых выражений и таких откровенных действий.

– Пресветлый, Веронику не могут найти. Подозреваю, она снова сбежала. Я от вашего имени приказал досматривать весь выезжающий транспорт, все повозки, кареты и даже ручные тележки, но боюсь, птичка упорхнула. Отец мой, не время расслабляться, во дворце слишком много любопытных глаз, – с этими словами отец Люсиан протянул мне руку и поднял с колен. Я была ему чрезвычайно благодарна и мои колени тоже!

– Пока не найдут ее, или ее тело, – Примас со значением посмотрел на Люсиана. – Не покидайте дворец.

– Начальник королевской гвардии обещал мне свое полное содействие, – отец Люсиан наклонил голову.

Я так и знала, чувствовала, что бывшему заместителю

лэрда Эванса нельзя доверять!

– Король Эрберт отбыл в Шардан. Вы не думаете, ваше Светлейшество, что мы бы могли Веронику ему отдать?

– Это была бы неплохая сделка, но нет, – Примас покачал головой. – К тому же она пока не в наших руках. Что-то еще?

– Насчет ребенка королевы, ваше Светлейшество, сведений нет. Был свидетель, его спешно привезли из Иллирии, но он исчез, и протоколов допроса не обнаружено. Секретарь, дознаватель и палач не могут ничего сказать, они под магической клятвой о неразглашении. Мы не стали гм... настаивать. Пропажа сразу трех лиц вызовет нежелательные подозрения.

– Выясняйте дальше, – коротко приказал Примас. – Нам нужна определенность.

– Вам не кажется, что Жером Штернблум нас дезинформировал? Как королева, имея такую изящную фигурку и тонкую талию, могла скрыть беременность? Во дворце это попросту невозможно! Она ведь никуда не выезжала! Была все время на глазах. Тут все обо всех знают мельчайшие подробности! Родить во дворце и сохранить тайну – задача непосильная для юной девушки. Разве что сам граф ей и помогал. Не он ли отец ребенка?

– Вы подкупили слуг? Желательно бы из тех, кто обслуживает королевские покои. Королева сама назначала доверенный штат? Лилиан, вы немедленно уволите служанок и наймете тех, кого вам порекомендует отец Люсиан, – пове-

лительно сказал Примас, ткнув на меня указательным пальцем.

Я покорно склонила голову. Ждите, ваше Светлейшество! Пусть только он мне их представит – кандидатки полетят из дворца в ту же минуту, без жалованья и рекомендаций!

– Не бойся, дитя мое, – ласково обратился Примас ко мне. – Ты без советов и помощи не останешься!

Коротко стукнув в дверь, вошел рослый лакей и доложил, что карета готова. Я поспешно присела, облобызала пастырский перстень и облегченно выдохнула, когда за Примасом и отцом Люсианом закрылась дверь. Я решительно расправила юбки, направляясь к выходу, но была остановлена тем же лакеем, внезапно преградившем мне дорогу.

– Ну что, детка, поговорим?

– Что? Как ты смеешь обращаться к королеве, наглец? Прочь с дороги!

– Ты не напугаешь меня, маленькая шлюшка, – прошипел лакей. – Позавчера я дежурил в крыле придворного мага и слышал, как ты ублажала обоих Штернблумов и Примаса одновременно! Ах, как они рычали, стонали и вскрикивали! И твои стоны, такие сладкие, до сих пор стоят у меня в ушах! – наглые руки обхватили мою талию. – Ты же не будешь ломаться и приласкаешь верного слугу? Иначе я всем расскажу о твоих шалостях!

– Пусти! – я забарабанила по широкой груди. Это только развеселило лакея. – Ты не мог ничего слышать, маг не мог

оставить свои покои без полога неслышимости!

Да что ж такое, где моя охрана, в конце концов, где эти дармоедки-фрейлины, все самой приходится делать! Увлечшись облапыванием моей филейной части, лакей не заметил, что я шажочек за шажочком придвинулась к столику, где Примас оставил стилет. Хороший стилет, острый. Может я не так уж права была насчет корсетов? Между пластинами жесткого корсета небольшой острый стилет прекрасно помещался, и выхватить его было легко. Удобнее, чем из складок мягкой ткани!

Лакей пыхтел, его лицо покраснело, он непрерывно облизывал губы и плотно прижимался ко мне восставшей плотью. Через тонкие штаны прекрасно прощупывался солидный размер и уверенная твердость. С лакеями я еще не спала! Наконец, я оказалась рядом и смогла схватить стилет. Блеснувшее лезвие лакей встретил громким смехом и попытался вывернуть мне руку. Без колебаний я вонзила стилет в его грудь. Два раза. Стилет вошел, как в масло, не встретив сопротивления. Не думала, что людей резать так легко, кожа-то вон какая плотная! Навреченое, все дело в подходящем инструменте.

Лакей охнул, прижал руку к ливрее и, отняв ее, удивленно посмотрел на красное пятно, расплывающееся на ладони.

– Я убью тебя, – спокойно пообещала, и тут же отскочив, завизжала что было силы. Ультразвуком, заставляющим занять зубы. Раздался топот и в комнату ввалились два гвар-

дейца.

– Покушение на королеву, – холодно сообщила я. – Стоять! – остановила тут же ринувшихся к лакею охранников. – У меня к нему есть пара вопросов. Немедленно позовите лэрда дель Грава.

Один гвардеец убежал, а второй замер у двери.

– Ты по-прежнему не веришь, что я тебя убью? – спросила, лаская пальцами рукоятку окровавленного стилета. – На колени!

Бледный лакей бухнулся на колени, прижимая уже обе руки к груди.

– Не волнуйся, смерть тебе пока не грозит, ничего важного не задела, и тебя ждут долгие часы наедине с палачом и дознавателем, – утешила я его. Потом наклонилась, прижала лезвие к горлу и тихо спросила:

– Как ты мог подслушать придворного мага? И какого демона ты вообще подслушивал?

– Артефакт мне дали, – просипел лакей. – Виноват, простите, ваше величество!

– Кто дал? Что за артефакт?

– Развеивающий купол неслышимости, вот, – лакей торопливо вынул из кармана круглую золоченую пуговицу. – А дала женщина, я не знаю ее титула и фамилии!

– Узнаешь при встрече? Покажешь?

Лакей торопливо закивал.

Вошедшему Ринальдо я передала лакея, который продол-

жал извиняться и ползать на коленях. Пуговицу я подбросила на ладони и спрятала в карман. Самой пригодится. Была бы я магом, можно было бы отследить, кто ее держал в руках, а тут опять все самой придется. Мало мне Штернблумов и упертого старичья из Совета, еще какая-то женщина! Да я тут за пять лет столько баб разозлила! Кто угодно мог быть, от любовниц моего покойного Адемара, до мамаш, чьих отпрысков я принудительно женила на приютских воспитанницах. Распорядившись оказать помощь и надежно запереть лакея, я вышла из гостиной.

И вот как мне прикажете разгрести это все? Я девушка, ладно, молодая женщина, я хочу балы и маскарады, красивые платья и драгоценности, кучу поклонников! Мне просто необходимы объяснения в любви и пылкие страсти! Само собой, руководить страной мне тоже нравится, но это же для ума, не для души! Без сильного мага, играющего на моей стороне, я обречена. Если бы Жером пошел против отца! Но после того, что я с ним сделала, он будет моим злейшим врагом. Впрочем, пока Штернблумы считают, что я – Лилиан, еще не все потеряно. И с ней тоже что-то надо делать, и срочно!

– Вы совсем ничего не едите, ваше величество! – на мое запястье опустилась теплая ладонь мужа.

Я вынырнула из раздумий. Никогда не понимала, как героини книг могут погружаться в свои мысли до полной по-

тери связи с реальностью, считала, что это бред, а вот, поди ж ты! Этак и я тоже стану такой же неуравновешенной истеричкой, как большинство героинь фэнтези. А я люблю быть здесь и сейчас, без пустых фантазий. Что у нас тут происходит?

У нас происходил торжественный завтрак в Большой парадной столовой. А я гоняла по тарелке лист салата. Придворные лизоблюды, видя отсутствие у меня аппетита, тоже сидели над пустыми тарелками, сверкая голодными глазами на изобилие и роскошь стола. Идиоты! Завтрак – главная еда за день! Я тут же положила на свою тарелку всего и побольше. Придворные обрадовано зашумели и накинулись на шедевры дворцового повара. Надо его, кстати, наградить за удачное очищение кишечника Примаса. Гений – он во всем гений.

– Простите, лиры и лэрды, замечталась, но новобрачной простительно, – умильно улыбнулась я, с признательностью посмотрев на Ромео.

Какой же он красивый, просто сердце замирает! Некрасивые мужья остались в том мире, в этом первый муж не очень удался, ну что с него взять, пробник, а вот остальные мои мужчины были просто красавчики! Два раза замужем там и три раза здесь, если шарданского Эрберта считать за полноценного мужа. Не считая мелких увлечений. М-да, пожалуй, появление дам среди врагов можно приписать за счет банальной ревности.

Хоть одно в этом дурацком фэнтези правильно – полно привлекательных, высоких, мужественных самцов! Хотя другим героиням везет больше – у них там экзотичные демоны, с хвостами и рогами, brutальные оборотни, милешки-эльфы, творящие всякое непотребство с бедными жертвами сексуального произвола. Я едва не рассмеялась вслух. Выбрала себе шестого мужа – уж так выбрала. Впрочем, лучше он, чем Жером. Его я попросту боюсь. Но поговорить придется. Я передала с лакеем приглашение на беседу придворному магу.

Он появился в моем кабинете через двадцать минут. Прищурился. Я знала, так маги переходят на магическое зрение. В груди сразу неприятно заныло. Ну, что я, без капли магии, могу противопоставить лучшему выпускнику Цитадели? Это там он был стеснительным девственником, которого я с удовольствием учила получать и дарить наслаждение. Здесь передо мной опасная беспринципная сволочь, настоящий сын своего отца.

– Вероника? Как интере-е-есно! А мы вас обыскались, ваше величество.

Не дожидаясь приглашения, Жером сел в кресло, закинул ногу за ногу и окинул меня еще раз внимательным взглядом.

– Я никак не мог понять, почему отец так много вам позволяет. Теперь понял. Вы непредсказуемы. С вами он чувствует себя живым, вы держите его в тонусе. Примас вас явно недооценил.

– Это не дает вам права нарушать приличия, – заметила я.

– Да бросьте, Вероника. Нас слишком много связывает.

Жером откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза.

И продолжил говорить.

– Я вижу, что вы меня боитесь. Ваша аура пронизана си-
зыми нитями страха. Не стоит, Вероника. Знаете, я почти
все время о вас думаю. Не могу забыть. Вы ведь были мо-
ей первой женщиной. Это незабываемые светлые воспоми-
нания. Вы, я и Мишель на краю мира.

– Надеюсь, ваш отец об этом не знает?

– Разумеется, знает, – фыркнул Жером. – Он ведь хотел
меня сделать вашим мужем, но когда понял, что это – мое
самое горячее желание, отдал вас этому ублюдку Адемару.
Счел, что такую слабость, как женщина, маг не может себе
позволить. Наказал меня. Я излишне резко отозвался о его
забавах во Фратескоре и крепости Озэйн. А теперь вы снова
замужем и снова ускользнули от меня. Надеюсь, ненадолго.
Вы же обычно замуж ненадолго выходите.

– Я...

– Вот только не надо говорить, что вы любите мужа. Я все
знаю о Ромео. И ненавижу его всей душой. Но я готов. Готов
стать третьим в вашей постели.

– Ромео никогда не согласится. После того, что я узнала...

– Вы научили меня тому, что умели сами. Позже, в Илли-
рии у меня были другие учителя. И теперь уже я могу вас на-
учить – наслаждаться болью. Унижением. Покорностью. Ду-

маете, Лилиан несчастна? Вы ошибаетесь. Кстати, куда вы ее дели? Отец будет рад ее видеть.

– Правда? Он меня подменил куклой Примаса!

– Она просто похожа на вас. Отец мечтает о вас с одержимостью маньяка, сами понимаете, он не смог отказаться. И она... хороша. У нее такой жадный, горячий и бесстыдный рот, мм-м, – Жером сладострастно причмокнул.

– Я позвала вас не затем, чтобы обсуждать ваших любовниц!

– Вероника, Вероника. Да, с Ромео мы поступили жестоко, но я ревновал. И нисколько не сержусь за вашу месть. Это был интересный опыт. Пожалуй, я даже благодарен вам, это расширило мои представления о наслаждении. И я не скажу отцу, что вы – не Лилиан, хочу увидеть, как у него вытянется лицо. Но долго вам не удастся это скрывать.

– Есть еще один вопрос. – Я встала с кресла и отошла к окну, чтоб мое лицо было плохо видно Жерому. – Я вам говорила, что у меня нет детей, мы жили в Иллирии с детьми подруги. Вы же почему-то вдруг стали намекать о моем наследнике, при Примасе и отце Люсиане, вы понимаете, какие небылицы вообразит Примас?

– А кто он вам, тот мальчик, которого вы увезли из Мирася?

– Никто. Он заболел и умер. Он был крестьянским сыном, целитель не успел приехать.

– Вы спокойны, не плачете, я готов поверить, что это не

ваш ребенок, но мой отец уверен в обратном. Его интуиции следует доверять.

Я пожала плечами. Даже если меня осмотрит лекарь – ничего он не скажет. Хоть десять лекарей! Признаки давних родов есть, но их никто и не скрывает, трупик младенца видели все слуги Амелии Денвер, и Штернблум лично. О том, что мой ребенок жив и здоров, знает только семья Грудисов и дель Картелиры. Как хорошая и осторожная правительница, я должна обе семьи бесследно ликвидировать. Казнили и за меньшее. Но... у меня просто рука не поднимется подписать такой приказ.

– Виконт, я спрошу мужа насчет вашей кандидатуры, – сказала после долгого молчания. Кто их знает, этих мужчин, они дружат после жестокого мордобоя, знакомятся после секса, вдруг и тут вспыхнет неожиданная страсть?

– Благодарю вас, ваше величество, – Жером встал и поклонился.

Глава 3

Спина Ромео покрылась испариной, он приглушенно застонал. Под моими ладонями напряглись и расслабились его круглые ягодицы. Стиснув зубы, я осторожно проталкивала в его тело фаллоимитатор, закрепленный ремешками на моих бедрах. Погладила гладкую спину ладонью. Слегка отодвинулась. Снова плавно вошла, растягивая нежные стеночки.

– Да, еще, – попросил Ромео, прогибая поясницу и подаваясь назад.

Еще, так еще. Что мне, трудно, что ли, приятное мужу сделать? Ромео, немного смущаясь, вчера приволок необходимый девайс и прозрачно намекнул о своем желании его опробовать. Мне никогда не приходилось этого делать, я откровенно боялась навредить, причинить боль, но Ромео был очень настойчив. Я понимала его трудности, готова была помочь, но хоть убейте, не могла понять такого выверта природы. Это же просто несправедливо!

Такой красивый, обаятельный образчик мужественности и такой грандиозный облом для дам! С одной стороны, не буду фавориток вытаскивать из супружеской постели, Ромео не взглянет ни на одну придворную породистую шлюху. А с другой – там будут фавориты. Не знаю, что хуже и опаснее для законной жены.

Я почувствовала, что тело Ромео мягко пропускает меня внутрь и усилила напор. Спальню огласили шлепки моих бедер об ягодицы Ромео. Он протяжно застонал, и я опустилась на его спину всем телом, протянула руку к его мужскому оружию, уверенно и сильно провела от головки до основания. Тело Ромео содрогнулось, он зашипел и бурно излился мне в ладонь. Держа руку лодочкой, я поцеловала мужа между лопаток и осторожно вытащила strapon из его тела. Ромео полежал минутку на животе, затем перевернулся.

– Ты прекрасна! – с чувством сказал он, восстанавливая дыхание

«Да, был бы у меня член, твое счастье было бы полным», – мрачно подумала я.

– Ложись скорей на спинку, – Ромео подсунул мне под попу подушку, сгреб теплую белесую субстанцию с моей ладони и пальцами развел мои складочки. Обмакивая кончики пальцев в сперму, он стал пропихивать семя в меня, поглаживая изнутри. Лицо у него при этом было умиротворенно-сосредоточенное – не иначе, творец за работой!

– Не опускай попку, – заботливо напомнил Ромео, ласково проводя рукой между моих бедер. – Будем надеяться, получится на этот раз.

– Угу, – равнодушно отозвалась я, не ожидая слишком многого. Дети – такие противные! Когда о них страстно мечтаешь – ни за что не получают. А вот когда они даром не нужны – хоть три двойни подряд!

Ромео вернулся из купальни и лег рядом, чистый и благоухающий. Нежно провел рукой по моему животу.

– Нам нужен любовник, – сказал он решительно.

– Всем нужен любовник, – проворчала я, внутренне полностью согласная.

– Что ты думаешь о после Иллирии?

– Ни в коем случае! – ужаснулась. В Иллирии это норма жизни, но зачем делать достоянием гласности особенности собственного консорта? – И твой дель Лебрэн никуда не годится. И деи Гренор мне тоже не нравится.

– На тебя не угодишь, – сказал Ромео недовольно.

Да, я была капризна и придирчива. И не хотела, чтобы наш общий любовник напоминал мне короля Эрберта. Наши вкусы на мужчин совершенно не совпадали. Ромео западал на рослых, могучих мужчин, а я предпочитала худощавых и гибких. Мы постоянно присматривались, советовались, но пока к единому мнению не пришли. Конечно, я бы могла завести собственного любовника, а Ромео – своего, но весь нюанс заключался в том, что мы совершенно не хотели отдаляться друг от друга. Я бы безумно ревновала Ромео, а он бы выглядел смешно и глупо. Поэтому мы искали того, кто смог бы гармонично дополнить наш союз.

– Виконт Штернблум хотел предложить свою кандидатуру, – нехотя сказала я.

– Нет, ни за что, – тут же ответил Ромео. – Не хочу даже видеть его рядом с тобой.

– Я так и подумала. Через четыре дня бал дебютанток, ко двору будут представлены юные отпрыски знатных семейств. Может быть, там что-нибудь удастся подобрать.

– Сомневаюсь. Зачем нам зеленый юнец? Я бы предпочел опытного мужчину постарше.

– Да где ж его взять, – проворчала я. И кому из нас трудно угодить? – Тебе и постарше, и не страшного, и умного, и решительного, и чтобы был ласковым и нежным... и главное, чтоб понравился нам обоим!

Ромео слегка сжал мои пальцы. Мы сидели на обитых бархатом тронах, наши руки, лежащие на широких подлокотниках, иногда соприкасались, практически незаметно для окружающих.

– Нет, – прошептала я, не поворачивая головы.

Не знаю, чем привлек внимание Ромео этот юноша. Тотский, нескладный юнец, на щеках которого горел яркими пятнами костер смущения, а лоб украшала россыпь boutons d'amour⁴. Пальцы Ромео легко соскользнули, а указательный чуть заметно прикоснулся к моему мизинцу. Ах, не этот мальчишка, а его сопровождение? Пришлось с милостивой улыбкой слегка повернуть голову. Надо полагать, мужу понравился не этот лысеющий толстопуз, кланяющийся с многословными благодарностями, папаша юного дебютанта. Я равнодушно посмотрела на второго сопровождаю-

⁴ boutons d'amour (фр.) – угревая сыпь, юношеские прыщи.

щего. Определенно, тоже не красавец. Также худой и какой-то нескладный. Впрочем, лицо чистое, довольно приятное, но совершенно обычное. Прямые темно-русые волосы аккуратно зачесаны за уши. И смотрит он не на меня, а на Ромео, в отличие от толстяка и его сына, пожирающих меня глазами. Я слегка повернула голову налево. Тут же статс-дама, стоящая за спинкой трона и чуть левее, напомнила мне, что я имею радость лицезреть виконта Октава делла Брушена с его сыном Алэром. Я продолжала держать голову склоненной налево, и дама торопливо зашуршала страницами миниатюрного блокнотика.

– Этот третий... лэрд Гвеналь делла Брушен, дядя Алэра, младший дознаватель столичного управления правопорядка.

– Нет, – прошептала я, поворачиваясь к Ромео. Нам рядом только не хватало крысы, шпионящей не только по зову сердца, но и по профессии!

– Да, – мягко улыбнулся Ромео, поцеловал мне ручку и глазами снова указал на тощего дядюшку. Что я там не видела? Дядюшка провел изнутри языком по щеке, сохраняя самый почтительный вид. Волнуется, родственничек.

– Хорошо, если ты уверен, попробуй, – прошипела я, почти не размыкая губ. И громко сообщила, как я рада видеть семейство на балу.

Лэрд Гвеналь еще раз поклонился, бросив многозначительный взгляд на Ромео, и удалился вслед за родственниками. И чем, интересно, так доволен стал Ромео?

К трону робко подошла совсем юная девушка, почти девочка. Платье явно было ей великовато и сползало с плеч.

– Лира Розетт деи Дорини, столичный Королевский приют, – доложила статс-дама, сверяясь со списком.

– Сколько вам лет, дорогая Розетт? – я улыбнулась робющей девушке.

– Пятнадцать, – ответила она, отчаянно краснея, стараясь незаметно поддержнуть сползающий лиф повыше.

– Я рада вас видеть, лира Дорини, и желаю приятно провести время на нашем балу, – кивнула девушке. И злобно прошептала: – Они там что, с ума посходили в приюте? Ей еще в куклы играть нужно, а не замуж!

Пока к трону шла очередная дебютантка, лира Мартейн успела доложить, что единственный дальний родственник девушки проживает в Иллирии и отказался брать на себя попечение сироты, а у нее, разумеется, не осталось дома и средств, какая неожиданность! Поскольку на момент смерти родителей она обучалась при монастыре, то из привилегированной пансионерки просто стала воспитанницей.

– Не тот ли это барон Дорини, который проживает в Авасте? У него там роскошный дом, и денег достаточно, чтоб содержать дорогих любовников, – ядовито заметила я, улыбаясь очередной сиротке. – Разберитесь с наследством лиры. Если наследство захватил барон, то верните средства в страну, с чего бы нам обогащать иллирийцев? Ближайшие пару лет девочке нечего делать в столице! Сестры-наставни-

цы слишком торопятся ее спихнуть с рук.

– Такая юная, свежая, невинная лира могла бы привлечь внимание столичных кавалеров, – вкрадчиво прошептала статс-дама.

– Могла бы, – согласилась я. Только это явно не на пользу девушке бы пошло. Попасть в руки сладострастного старика или потасканного садиста вряд ли было пределом ее мечтаний. А кто еще всецело оценил бы неопытность и невинность? Только тот, кто жаждет потоптаться по ним.

– Определенно, девушка для замужества слишком юна. Преждевременно ее было привозить, сообщите о моем неудовольствии начальнице приюта.

– Ваша воля, королева, – статс-дама черкнула в блокноте.

Танцевать мы оба любили, я и Ромео. В правильном, нормальном фэнтези героиня-попаданка в шумном обществе тушует, чувствует себя не в своей тарелке, и вообще, предпочитает «высокоинтеллектуальные» занятия (рефлексию и уныние) флирту и танцам. Проще думать, что ты особенная, возвышенная, непонятая людьми, чем признаться себе, что ты всего лишь зажатая неуклюжая корова, без чувства ритма, не умеющая красиво двигаться под музыку, и не обладающая способностью поддержать приятный разговор ни о чем.

Я оказалась в неправильном фэнтези, поэтому считала, что активный отдых и необременительное общение дают от-

личную разгрузку мозгу. Так что вихрь музыки подхватил нас с Ромео, и мы закружились по залу. Мы двигались очень слаженно, и могу без ложной скромности сказать, что смотрелись мы изумительно гармоничной парой. Два белокурых ангела.

– Ты пошлешь ему приглашение? – спросил Ромео, с надеждой глядя на меня.

– Да, – выдохнула. Кто я такая, чтобы мешать личной жизни собственного мужа? – Надеюсь, ты не ошибся. Кстати, Ромео, что означала эта пантомима? – я скользнула языком по внутренней поверхности щеки, как лэрд Гвеналь.

Ромео неожиданно покраснел. Я вопросительно подняла бровь. Мы договаривались не иметь секретов друг от друга и поддерживать во всем.

– Он хочет познакомиться с... моим другом, – признался Ромео.

– Очаровательно, – хихикнула я, поворачиваясь так, что юбки взметнулись колоколом. – Знакомиться будет, разумеется, ртом?

– Да, – шепнул Ромео, пропуская меня под руку. – И у него большой член.

– Невероятное достоинство, – фыркнула я.

– Да уж, немаленькое, – рассмеялся Ромео.

И как он успел рассмотреть такие подробности? Впрочем, мужу виднее. Если уж ему так приглянулся этот Гвеналь, который так открыто предлагает свое внимание, пусть насла-

ждается. Запретный плод сладок, а утоленное желание быстро угасает. При дворе полно более видных и более достойных кандидатов на нашу постель, чем мелкий судейский чиновник.

Сегодня вечером я собиралась открыть Павильон для непристойных утех. Несмотря на мои подробные инструкции, ни графу, ни виконту Штернблуму не удалось в него проникнуть. А то, что в бытность принцессой Вероника Варронская устраивала там секс-вечеринки на регулярной основе, ни для кого в столице секретом не было. Ну, конечно, пока я не попала в ее тело.

Мне много рассказывали о подвигах любвеобильной принцессы. И бороться с ее репутацией оказалось невероятно сложно. Приходилось признать, что прослыть секс-символом Элизии мне удалось совершенно незаслуженно.

Я была в Павильоне лишь один раз, перед тем, как меня подарили королю Эрберту и, признаюсь честно, было, что вспомнить, с покрасневшими щеками и сильно бьющимся сердцем. Девичник тогда определенно удался.

Второй раз Венделин открывал Павильон на моих глазах, собственно, поэтому я и знала алгоритм доступа в прибежище разврата. Тогда я срезала и спрятала все накопители, которые хитрые маги там установили. Они копили сексуальную энергию. Естественно, сбор шел на благие цели, как они мне вдохновенно ввали в Цитадели. Что делать с артефактами, я не знала, использовать не могла в силу полной магической

бездарности, но сам факт, что они не достались ни Штернблуму, ни Венделину, согрел сердце.

Третий раз я открыла Павильон, потому что была невероятно зла на Жерома, и оставила его там с двумя товарищами, накачав их сильнейшим афродизиаксом. Думаю, что они испробовали друг на друге все девайсы, которые там были. А там было все, что может только вообразить извращенная фантазия любителя жестоких игр.

Ромео безумно хотел убедиться, соответствуют ли слухи о развратности и изощренности королевы действительности. Нет, в моих личных качествах он не сомневался, помнил еще, сколько уговаривал меня нацепить strapon, но побывать в Павильоне по королевскому приглашению мечтал каждый половозрелый придворный. Странно было бы, если бы я упустила эту часть праздника. Следовало соответствовать.

Списками приглашенных тогда занимался бывший придворный маг лэрд Венделин. Сейчас он сидел в темнице, куда мне вовсе не хотелось спускаться. Поэтому я решила, не мудрствуя лукаво, попросить секретаршу Катарину принести мне пачку хозяйственных отчетов из архива. Мероприятие затратное? Затратное. Регулярное? Регулярное. Стало быть, на это дело отпускались средства, поставщики привозили товары, набирался персонал, согласный обслуживать гостей в минимальном количестве одежды. Элизия довольно консервативная страна и внешние приличия тут соблю-

дались весьма строго. Значит, слугам жалование выплачивалось повышенное или премия выдавалась после клятвы о неразглашении.

После мероприятия проводилась, соответственно, генеральная уборка. Это все должно быть отражено в отчетах, значит, и список гостей может где-то затесаться, вместе со списком допущенных служащих. Почему нет? Гостям после вечеринки надо было отоспаться, значит, спальни во дворце приготовить, завтраком обеспечить и всем прочим.

Ну да, я зануда. Ну, не щупать же мне всех придворных ниже пояса и не спрашивать с придыханием, не желает ли он посетить приватную кинки-вечеринку? Придворные все поголовно согласятся, но расширение доступа к услуге или товару всегда чревато снижением качества. Венделин, помнится, тщательно подбирал гарантированно не болтливых, здоровых духом и телом, не склонных к жестокости и насилию мужчин, а дам, соответственно, веселых, не слишком скромных и стыдливых, из расчета три к одному.

Заполучив списки, мы с Ромео несколько раз пробежались по кандидатам, выбрав наиболее подходящих. Штернблумов приглашать ни я, ни Ромео не горели желанием. Они и так сладенького уже накушались вместе с Примасом.

Конечно, первый советник будет ужасно недоволен. Но, к счастью, в этот день он уехал из-за каких-то важных политических дел на юг. Бал дебютанток его не интересовал ни в малейшей степени. Так что мы рассчитывали на несколько

спокойных дней без вездесущего ока графа.

— Ты уверена? — с сомнением спросил Ромео, расстегивая ремень. — А вдруг не получится?

— Получится, — я решительно выдернула рубашку Ромео из штанов и залезла руками в теплое и горячее.

— Понежнее, дорогая супруга! — упрекнул меня Ромео.

Я опустила на колени. Деликатный кашель заставил нас повернуть головы. Из темноты выступила длинная фигура в плаще и поклонилась, снимая капюшон.

— Простите великодушно, ваше величество, ваша светлость, — лэрд Гвеналь кусал губы в смятении. — Я не хотел оказаться в такой щекотливой ситуации и приношу свои глубочайшие извинения, что помешал. Просто настолько был счастлив получить приглашение, что поторопился сюда придти, как можно раньше...

— Вы кстати, — прервала я его излияния и встала, тщательно отряхивая юбку. Так и другие приглашенные скоро примчатся, а мы еще зачарованные двери не открыли. — Подойдите, прошу вас!

Я отошла, оставив расстегнутого Ромео возле стены. Мы находились в садовом Павильоне, который снаружи был просто ажурным строением с огромными окнами, куда свободно мог зайти любой желающий. Полная луна бросала сквозь частый переплет косые прямоугольники света на пол. Вот внутри помещения, вдоль кирпичной стены можно было бесконечно бегать по кругу, и так и не найти вход.

– Простите, – смешался лэрд Гвеналь, бросая жадный взгляд на расслабленную фигуру моего мужа, который задумчиво смотрел в потолок. – Не совсем понимаю...

– Так понятно? – я полностью стащила рубашку с Ромео, что вызвало непроизвольное сглатывание у лэрда Гвеналья. – Как можно его не хотеть? – Я демонстративно провела рукой по груди и животу Ромео.

– Прямо здесь? – не решался Гвеналь.

– Ну, а где? – возмутилась я и великодушно предложила:

– Если вы стесняетесь, я отвернусь.

Лэрд Гвеналь бросил на меня затравленный взгляд и облизнулся, глядя на обнаженный торс Ромео. Как бездомный голодный пес у дверей мясной лавки!

Я демонстративно отошла на два шага и отвернулась. Ну, может, и не ошиблись мы с этим партнером. Во всяком случае, он мог просто затаиться и наблюдать, а не нарываться на неприятности, обнаруживая свое присутствие в такой, действительно неудобный момент. Хотя бы не трус и готов к ответственности, это уже неплохо.

Сзади раздался шорох и тут же выдох и слабый стон Ромео. Я быстро глянула через плечо – дознаватель стоял на коленях перед Ромео и быстро двигал головой. Совершенно бесшумно, ни всхлипа, ни влажного чмоканья. Как это у него получается? Прекрасное лицо Ромео, отчетливо видимое в лунном свете, напряглось, он схватил партнера за волосы, привлекая его ближе.

– Сейчас! – Ромео быстро оттолкнул недоумевающего Гвеналья, и с гортанным стоном спустил семя на стену.

Я метнулась ближе и тут же приложила свою ладонь к стенке.

– Получилось! – с восторгом наблюдала, как прорезаются в глухой стене высокие двустворчатые двери, и поспешила нажать на ручку. Дверь открылась, внутри стали разгораться магические светильники.

Ну, вот такой затейливый ключ был у Павильона, придворный маг лэрд Венделин в свою бытность прослыл большим шалуном, запечатывал вход не только собственной аурой, но и сами понимаете, чем.

Я оглянулась. Лэрд Гвеналь так и стоял на коленях с выражением детской обиды на лице.

– Ромео, что же ты не приглашаешь нашего... дорогого друга войти?

Ромео выдохнул и застегнул штаны, выравнивая дыхание.

– Простите, я вовсе не так груб, как могло показаться, это магические заморочки Павильона, – Ромео протянул руку, помогая лэрду подняться.

– Вы очень помогли, мы вам весьма признательны, – ухватила обиженного лэрда Гвеналья с другой стороны под руку и провела в Павильон. – У нас еще будет время для более обстоятельного знакомства, сегодня вы наш первый гость!

Лицо Гвеналья разгладилось, и он уже с откровенным любопытством стал озираться вокруг. Ромео взял его за руку и

поташил к дальней стене, где на стеллажах висели, лежали и стояли разнообразнейшие предметы, придуманные изощренным мозгом для сексуальных забав. Я прошла по помещению, придиричиво оглядывая, все ли в порядке.

Магическая чистка убирала пыль, и кожаные полукруглые диваны блестели, как новенькие, в глубоких альковах. Особо стеснительным гостям можно было опустить тяжелую звуконепропускаемую портьеру для относительного уединения. Для не стеснительных в зале было множество пуфиков и диванчиков разной высоты и конфигурации, с разноцветными подушками. Черный подиум, по которому дамы могли продефилировать, показывая себя, поблескивал в приглушенном свете. Дальний угол занимали станки и приспособления для жестких игр – козлы разной конструкции с фиксаторами конечностей, подвесные регулирующие балки с цепями, кольца, косой и прямой кресты с креплениями.

С легким звоном слуги вкатили несколько тележек с угощениями. Сами слуги за занавеской раздевались и выходили в зал уже в униформе – ошейниках и коротких кожаных шортах.

Вечеринка покатила, как по маслу. Руководить процессом я поручила пресс-секретарю, шустрый малый оказался завсегдатаем и любителем подобных мероприятий, поэтому согласился с радостью и искренне благодарил за оказанное доверие. Я сама уютно расположилась с бокалом вина на возвышении в самом дальнем углу, чтоб не смущать веселящихся.

ся гостей.

По правилам все участники были в масках, но, разумеется, это никого не вводило в заблуждение, так, дань традиции и легкий налет романтики. За Ромео я не переживала, он и лэрд Гвеналь давно уединились в алькове, отгородившись шторой. Оказалось, что лэрд не обидчив и не мнителен, и это опять-таки говорило в его пользу. Если так пойдет, то достоинств у этого лэрда окажется побольше, чем у признанных светских львов. Возможно, он и станет нашим третьим. Посмотрим.

Я давно не верила ни в первое впечатление, ни во второе, ни в симпатии, ни антипатии, словам я тоже не верила. Только поступки говорят о человеке правду. Невыразительная внешность с успехом компенсируется парикмахером, портным и косметологом. И фигуру поправить можно, правда, это займет больше времени и усилий. Но сделала же я из первого мужа за три месяца другого человека! И этого улучшим.

Глава 4

Я задумчиво рассматривала гостей, гадая, не встретятся ли мне знакомые лэрды, с которыми провела здесь когда-то несколько восхитительных часов. Я тогда мало кого знала, но вот меня знали все до одного. Неудобная вышла ситуация. Поскольку сделанного не воротишь, то и стесняться нечего, поздно уже стесняться.

После второго бокала мне не стало веселее. Более того, я откровенно загрустила. И зачем я поддалась на уговоры Ромео? Лично мне эта вечеринка не нужна. Самый красивый мужчина Элизии и так спит в моей постели. Посмотреть приятно и поговорить есть, о чем, разве мало? А вот эти все «лететь с одним крылом»⁵ придумали слабые женщины, которые себя не могут реализовать вне мужского внимания и заботы, и щедро приписывают мужчинам свои богатые чувства.

На самом деле мужчины обращают внимание только на тех женщин, которые им мешают. Препятствуют. Досаждают. Хорошие и добрые женщины проскальзывают мимо мужского сознания однотонной серой вереницей. Удобные же. Использовал, забыл, нашел другую, и так по кругу. Еще есть яркие женщины, которых они хотят. Пока хотят – заме-

⁵ Песня «Без меня» в исполнении А.Пугачевой, автор слов И.Резник, музыка Р.Паулса.

чают. Но после утоления похоти едва ли вспоминают.

Конечно, хочется любви. Очень хочется искренних чувств, пылких признаний, горящих глаз и чувства полета. Мужчина без женщины деградирует, а женщина без мужчины ожесточается. Видимо, не всем дано влюбляться, иначе бы отчего я тут сидела, молодая и красивая, с бокалом вина, а не с приятным мужчиной? И разве тут это вообще найдешь?

Ну, полуголые дамы, ну, кавалеры без штанов, ну, совокупляются яростно, во всех мыслимых вариантах, а мне на них смотреть скучно, и нисколько не хочется присоединиться. А не оттого ли это, что в теле столь юной принцессы оказалась разочарованная в жизни и мужчинах тетка сильно за сорок? Мысли-то у меня совсем другие, далека от меня эта бесшабашность, настрой совсем не тот, душевная усталость накопилась.

— Вы позволите к вам присоединиться? — на меня с легкой вежливой улыбкой смотрел темноволосый мужчина в черной полумаске. На удивление, он был практически полностью одет, лишь рубашка расстегнута, а штаны и сапоги находились на положенном месте.

Я вяло махнула бокалом. Незнакомец присел, раскинув руки по спинке дивана и закинув ногу на ногу. Вольность, простительная в Павильоне.

— Вас настолько гнетет замужество? Мне кажется, вы грустите.

– Гнетет? С чего вы взяли? Я как раз, как видите, весело отмечаю праздник.

– Вижу, – хмыкнул незнакомец и перевел тему. – Я слышал, приезжал сам Примас, чтоб заключить брак, но заболел, не выдержав тягот пути.

Скорее, не выдержал тщательно рассчитанной дозы неудобоваримых морепродуктов, но об этом знаю только я и придворный шеф-повар. Значит, мой собеседник редко бывает во дворце, иначе бы знал, что Примас уехал, подкинув мне в виде кукушкиного яйца сестрицу.

– Пути Примаса знает только сам Примас, не нам судить о его делах, – насквозь фальшиво, но безукоризненно благочестиво сказала и с удовольствием увидела кривую гримасу в ответ на мои слова.

– Если бы вы знали о нем то, что знаю я, вы не были бы так доверчивы, впуская ядовитую змею в дом, – незнакомец цепко посмотрел мне в глаза.

– Готова вас выслушать со всем вниманием, – я подгрребла подушки и улеглась на диване поудобнее. Одета я была хоть и в прозрачную юбку, но ткани было много, а грудь прикрывала пелеринка до пояса. – Вас не смущает, что вы тратите время на разговоры, когда другие заняты делом?

– Весьма благодарен за приглашение, – незнакомец склонил голову. – Я уже получил наслаждение дважды, и вполне удовлетворен. Мне показалось, вы не настроены на любовные игры.

Я невольно покраснела. Он решил, что я ему себя предлагаю? Наглец какой.

– Вы меня неправильно поняли. Если разговор вас привлекает больше, чем... я вас слушаю.

– Наша семья жила в Мильерейне, это городок рядом с Обителью, – начал мужчина. – Лет в пятнадцать моя младшая сестра высказала горячее желание там служить. Мы с отцом возражали, но мать решила, что в таком стремлении препятствовать нельзя. Сначала она приходила раз в месяц нас навестить, и я видел, как она изменилась.

– Как?

– Она стала равнодушной. Отстраненной. Утратила стыдливость, и по нескольким вскользь брошенным замечаниям я понял, что происходящее между мужчиной и женщиной в постели для нее более не тайна.

– Что же в этом плохого? – не поняла я возмущения собеседника.

Замалчивание темы половых отношений ведет к росту чудовищных недоразумений, даже трагедий, которых легко можно было бы избежать. Да, я решительно была настроена ввести уроки половой грамотности в своих пансионах благородных и не очень благородных девиц, несмотря на активное противодействие общественности. Девушки, вступающие в брак, должны знать, что их ожидает! На картинках, примерах и муляжах! Предупрежден – значит, вооружен. А не падать в обморок от вида гениталий непривычной конфигура-

ции. Если в Обители ведут подобное просвещение, то возможно, мне стоит взять на вооружение их опыт.

– Они сделали ее шлюхой! – тихо зарычал незнакомец. – Шлюхой, которая истово служит им своим телом! Примас сам учил ее! Задурил ей голову! Подчинил. Она считает единственно приемлемой для себя ролью быть его подстилкой. Сестра предана ему, как собака! У него шесть личных учениц, фактически маленький гарем! Послушницы готовы перегрызть глотку, чтоб обслуживать пастыря, и моя сестра среди них!

– Вы уверены? Возможно, не все так плохо, как вы представляете.

– Поверьте, все еще хуже, – горько улыбнулся мой собеседник. – В последний свой визит она сказала, что мы все ей отвратительны, ибо наша вера слаба, и не достойны жизни. Она принесла с собой яд и потребовала, чтоб мы все его приняли. Дабы очистить мир от скверны. Я, мать, отец, младший брат. Ему шесть лет.

– Ничего себе, – пробормотала я.

– У отца лавка, склады, дом, сады, у нас довольно зажиточная семья, но единственный, кто имеет право на все блага мира – это ее возлюбленный непогрешимый Примас. И вот это все, – незнакомец обвел рукой Павильон. – Устраивается в Обители в гораздо больших масштабах, уж поверьте. Многодневные мистерии, где моя сестра с охотой отдается всем желающим посетить Обитель!

– О! – только и смогла сказать. Я слышала о мистериях, но полагала, что это просто торжественные, праздничные богослужения. Да, мало я внимания уделяла культу Единого. Зря.

– Если вдруг вам понадобится крепкая рука и карающий меч, то меня зовут Лоран Барreto, я служу в департаменте иностранных дел переводчиком.

– Позвольте, а как вы сюда попали? – возмутилась я. Мы так тщательно просеивали гостей, но этого имени я не помнила.

Лоран улыбнулся.

– Вы прислали приглашение моему начальнику, а он всегда отправляет вместо себя мелкую сошку, отсиживать на заседаниях и совещаниях.

– Надеюсь, вам понравилось, – процедила я. Ну вот, нарисовался очередной кандидат на увольнение. Даже приглашение не посмотрел. К совещаниям Павильон совершенно не располагал.

– Я невероятно горд честью побывать в знаменитом королевском Павильоне, – мужчина встал и поклонился. – Прошу прощения, мне пора, рано утром на службу.

– Почему вы не попросили аудиенции, чтоб это все мне рассказать? Эти... вопиющие факты?

– Я был на приеме у графа Штерблума, – лэрд Барreto стиснул зубы.

– И?

– И граф назвал меня лжецом и клеветником.

Ну что же, этого стоило ожидать, учитывая, какой ценный подарочек Примас привез первому советнику. Одну из личных дрессированных учениц, способную затмить звезду элитного борделя.

– Благодарю вас, лэрд Лоран Баррето, я запомню ваше имя, – протянула ручку, на которой переводчик запечатлел почтительный поцелуй.

Спускаясь из моего алькова, Лоран пропустил с поклоном моего мужа. Ромео, не обратив никакого внимания на мужчину, плюхнулся на диван и налил себе вина.

– Ты один? А твой друг? – не без яду спросила я.

– Уснул, – отмахнулся Ромео. Сам он был свеж и бодр, не сказать, что пару часов он самозабвенно трудился в постели. Разве что слегка встрепан, но ему это удивительно шло.

– Ты – лучшая из женщин! – с чувством сообщил Ромео.

– Рада, что твой партнер тебе угодил, – сухо ответила я. – А ты знаешь, что начальник иностранного департамента послал своего переводчика вместо себя?

– Вот... нехороший человек! Ничего, я ему откажу в посещении Фратескора.

Что? Я вопросительно подняла бровь. Причем тут мой замок? Мой маленький, хорошенький замок, который после моего побега граф Штерблум превратил в бордель, заставив упустивших меня фрейлин отрабатывать свой промах весьма унижительным и изощренным способом. При мне руководительницу этого борделя, тетку моего покойного мужа, мар-

кизу Амелию Денвер, повесили на воротах! Девушек освободили, накормили, подлечили и отправили по домам, подтерев память и снабдив щедрой материальной компенсацией.

– Фратескор остается под особым вниманием графа Штернблума. Он ссылает туда неугодных придворных дам и провинившихся служанок, – пожал плечами Ромео. Его это не беспокоило.

– Хочешь сказать, что этот притон разврата до сих пор...

– Остается притоном, – подтвердил Ромео, общипывая гроздь зеленого винограда.

– Как же так, – растерялась я. – Мятежники, маги с лэрдом Венделином, когда шли на столицу, навели там порядок! Я же там была!

– Вероника, ну что ты так волнуешься! Маги тоже люди и с удовольствием воспользовались услугами хорошеньких девиц. Никто и не думал их притеснять или выгонять. Бордель – заведение востребованное, хоть мятежниками, хоть не мятежниками.

– По отчетам там тишь, гладь, и божья благодать, замок законсервирован и совершенно пуст, – прошипела я.

Под моим носом мое личное владение используется в хвост и гриву. А я только сейчас об этом случайно узнала? Себе я его точно не оставлю, уж слишком тягостные воспоминания остались в моей памяти от разоренного замка. Но Штернблumu – не отдам!

– Ромео. Хочешь, я тебе его подарю?

– Зачем?

– Открой там... консерваторию! Художественную мастерскую. Танцевальную школу! Академию изящных искусств, вот!

– Заманчиво, – Ромео поводил пальцем по губам. – А давай! Как раз и графа в столице нет. Можно спокойно вытряхнуть всю шваль оттуда. Правда, репутация замка знатно испорчена, но все поправимо.

– Я сама напишу сообщения в газету и объявления о наборе учащихся. Стипендию пообещаем от короны наиболее талантливым, – размечталась я.

– Да погоди с учениками, там же ремонт, перестройка полная нужна. Нужно время, чтоб сделать классы из спален жриц любви.

– Так ты там был? – упавшим голосом спросила я.

– А как ты думаешь, почему у твоего советника столько сторонников? Уважают как сильного мага, дальновидного политика и мудрого руководителя? Разумеется, я там был, – кивнул Ромео. – Надо же было компенсировать мне разрыв помолвки, когда Адемар хотел стать королем.

– Гад ты ползучий, – не сдержала обиды я. – Ну и иди к своему Гвеналю! Не хочу тебя видеть!

– Злюка, – Ромео нисколько не принял мою обиду всерьез.

Чмокнул в плечико и ушел. Ушел, гад такой! А я так мечтал сделать из Фратескора уютное семейное гнездышко, меч-

тала жить там с сыном... так, стоп, иначе я сейчас совсем расклеюсь. У Марка все хорошо, у меня все хорошо и даже отлично, у меня тут вечеринка, гости, а я валяюсь, как тюлень на диване. Не можешь развлекаться, ляг, поспи, или поработай, это лучшее средство от хандры.

Я достала блокнот и стала набрасывать приказ о создании Академии искусств в замке Фратескор. Штрихами изобразила план и стала думать, где сделать обычные классы, а где танцевальные и прочие. Увлеклась и опомнилась, когда шея заболела.

А сколько времени? Судя по легкой головной боли, время давно за полночь. Я поднялась и посмотрела из-за спинки дивана в зал. И очень обрадовалась, обнаружив, что основная масса гостей уже покинула Павильон. Слуг тоже не было видно. Закрыты шторами оставались два алькова, в один ушел Ромео, а второй я сейчас проверю.

Аккуратно отвела штору в сторонку, чтоб краешком глаза заглянуть внутрь. Мало ли, вдруг кто-то из гостей задержался? Не хотелось бы проявлять неделикатность. Внутри было почти темно, но сплетающихся тел я не заметила, как и звуков соития. Пусто? Ах, нет, внутри был человек. На шелест шторы с дивана подскочил мужчина и тут же буквально бросился ко мне. Я машинально сделала шаг назад, не ожидая такого напора, но мужчина крепко ухватил меня за руку и втащил в альков.

– Наконец-то, я заждался! – выдохнул он, притискивая

меня к своей груди. Хорошая грудь, крепкая, с твердыми мышцами под тонкой рубашкой. И рост удобный, чтоб его подбородок с удобством улегся мне на макушку, а нос зарылся в волосы.

– Вы меня с кем-то спутали, отпустите, пожалуйста, – спокойно сказала я, ожидая, что мужчина тут же меня отпустит. Ведь это явная ошибка. Сейчас придет дама, которую он ждал и может получиться неудобная ситуация. Я даже состроила вежливую улыбку. Сейчас он отступит и извинится.

– Свет! – вместо этого громко сказал мужчина, не выпуская меня из объятий, и одинокий шар-светлячок погас, а штора после щелчка пальцев сама задернулась и приобрела каменную твердость. Маг, ну надо же, восхитилась я. Все-таки видеть воочию такие фокусы было потрясающе. Обычно маги не злоупотребляли своим даром и отнюдь не стремились поражать воображение обывателей.

– Зажгите свет и отпустите меня, – напомнила я магу, начиная сердиться. Что он, собирается тут до утра стоять?

О, нет, стоять он не собирался. Маг встрепнулся, подхватил меня на руки и отнес на диван, и осторожно положил на диван.

– Вероника, я так мечтал о нашей встрече!

Так ошибки не было и подкарауливали меня? А зачем? Я решительно попыталась встать, но маг удивительно ловко придавил мои плечи, задрал километры прозрачного шелка, окутывающие мои ноги, и завернул меня, как куколку, в

ткань, лишая возможности сопротивления. Не могу сказать, что я была сильно напугана. Я знала, что в Павильоне, кроме простейших бытовых заклинаний, магия не будет действовать, меня не утащат порталом, не убьют и вряд ли причинят физический вред. Но вот что меня так оригинально запеленают собственной юбкой, оставив ноги отрытыми, я точно не ожидала. Так... порочно и возбуждающе. Да и назвал маг мое имя, значит, отлично знал, кто я.

В темноте раздавался шорох и шелест, звякнула пряжка ремня, послышалось сдержанное ругательство. А в следующую секунду на меня навалилось обнаженное мужское тело. И это горячее тело тут же приступило к активным действиям. Твердые губы прижались к моим, и пока я протестующее мычала, чужой язык проник внутрь и начал хозяйничать, захватывая территорию. Жадные руки, казалось, были везде – на груди, на бедрах, на животе и ягодицах, оставляя после себя жар и томление. А внизу прижималась солидное оружие в полной боевой готовности.

– Я не хочу, – прошептала, дергаясь и пытаюсь выпутаться из ткани. Над ухом раздался самодовольный смешок. Мне не поверили. А обнаглевшие руки полезли вот совсем не туда! Прикосновения были нежными и осторожными, и этот гад безошибочно находил самые отзывчивые местечки! Я невольно выгнулась под опытной рукой. Теплое дыхание прошло по груди, и мой сосок укусили прямо через ткань!

– Да отпустите же меня! – возмутилась я. Нет, я, как лю-

бая нормальная женщина, предпочитала активных мужчин, ведущих в сексе. Нежность и плавность не всегда хороша, иногда хочется быстро и резко. Но не признаваться же в этом первому попавшемуся голому мужику! – Пустите, я закричу.

Меня снова стали ласкать и целовать. В полной темноте меня гладил незнакомый мужчина, и мне это безумно нравилось.

– Вероника, неужели ты оставишь гостя неудовлетворенным? Я так мечтал о нашей встрече, сгораю от желания, – о мои бедра красноречиво потерлись.

– Предпочитаю сама выбирать своих партнеров! А с новыми знакомиться при свете! – я заерзала сильнее.

– О, я тебе понравлюсь, – мужчина уверенно развел мои колени. – Не брыкайся, повредишь самое ценное!

Горячее и твердое прижалось к входу и прошло, дразня, вверх и вниз. Я издала протестующий возглас, к которому немедленно прислушались. Уверенный рывок, и я оказалась заполнена тугой тяжелой плотью. Стона наслаждения я не сдержала. Мужчина двигался резко, глубоко, то время как его легкие поцелуи покрывали мое лицо виски, шею и плечи горящими точками. Я даже не заметила, как скользкая ткань размоталась, освободив мои руки, которые тут же оказались на спине моего партнера. Я получила доступ к телу и тоже ласкала, щипала, царапала эту восхитительную твердую спину. Ягодицы меня тоже устроили своей формой и упругостью, я стискивала их, изо всех сил вжимаясь в мужское те-

ло. Мужчина ускорился, из его груди вырывались неопределенные возгласы, хриплое дыхание щекотало мое ухо, и наконец, с особенно глубоким рывком мир раскололся на ослепительные осколки, и я закричала, содрогаясь от наслаждения. Во мне пульсировал вулкан, заливая огненной лавой все мои жилы.

Мужчина выдохнул и отстранился. Сразу стало прохладно. Мой партнер провел мокрую дорожку между моих грудей, коснулся влажного лобка. Потом без лишних слов подхватил на руки и отнес в купальню.

– Вы не хотите зажечь светильник? – удивилась я. – Неудобно же!

– Я отлично вижу в темноте, – успокоил меня партнер и действительно, беспрепятственно дошел до широкой купели, исходящей паром. Подождав пока я на ощупь устроюсь, мужчина залез сам, уселся возле противоположного бортика и расслабленно вздохнул.

– А вы не хотите представиться, лэрд? К чему такая таинственность?

Однако мне не ответили. Просидев в воде буквально пять минут, мужчина ополоснулся и стал мыть меня. Завернул в простыню и отнес снова на диван, прижавшись ко мне всем телом.

– Ты не представляешь, как я мечтал о том, что снова буду просыпаться рядом с тобой, – хриплым шепотом признался мужчина.

От удивления я даже приподнялась на локти.

– Мы знакомы? – вот почему он мне не показывается! Лихорадочно стала перебирать своих партнеров. Это не Деровер, тот ниже на голову, не Рауль, тот коренастей, разумеется, не король Эрберт, этого медведя ни с кем не перепутать. Морис и Арк мертвы, Адемар спит в королевском склепе, Венделин в тюрьме. Кто?

– Не терзай свою память. Она у тебя девичья, очень короткая, – со смешком сказал мой партнер. – Военные, чиновники, студенты, актеры, все влюблены в тебя. Говорят, королева всегда готова оказать милость искренне влюбленному. Вот и я решил проверить, так ли добра королева.

– Не пора ли вам попрощаться? – честно говоря, замечание насчет памяти меня очень обидело. У меня отличная память! Если увидеть его лицо, я бы без труда вспомнила этого интригана. А по penisам людей запоминают только андрологи и урологи! И таких специалистов в этом мире нет.

– Неужели ты думаешь, что я ограничусь одним разом? Ты оскорбила меня до глубины души! – с этими словами с меня содрали простыню, и в мое бедро ткнулось большое и горячее, жаждущее ласки орудие.

Глава 5

Я открыла глаза и потянулась. Выспалась прекрасно, каждая клеточка радовалась жизни. Тело немного ломило, в интересных местах присутствовал небольшой дискомфорт. Ну, учитывая то, как я провела остаток ночи, это не удивительно. Мой неожиданный любовник оказался просто ненасытным. После первого раза он перегнул меня животом через спинку дивана, потом мы опробовали стол, пуфик и кресло. Я была просто потрясена ураганом его страсти. Даже если он употребил «Алую зарю», средство для супружеских спален. Какой мужчина! От такого любовника я бы точно не отказалась. Такая неутомимость вкупе с фантазией и умением понять, что женщине надо, не может оставить равнодушной.

Жаль, что при первых признаках рассвета он тут же снова натянул свою маску. Могу сказать, что он точно не блондин, волосы темные, точнее не рассмотрела, так же, как и цвет глаз. Я просто провалилась в сон после многочасовой скачки.

Судя по разыгравшемуся аппетиту, проспала достаточно долго. Накинув плащ, я покинула Павильон, с удовлетворением наблюдая бесследное исчезновение дверей. Фиг вам, лэрды Ш.

В своих покоях я привела себя в порядок, выслушала доклад Нелл, секретарь сообщила план на сегодняшний день.

Я бессовестно проспала все утренние дела, но дневные сами себя не сделают, и после плотного обеда я взялась за работу.

– Нелл, пригласи лекаря, – попросила я, отвлекаясь от бумаг.

– Он в каземате, там что-то случилось. Я сообщу ему, – присела горничная.

– Не поняла, лэрд Винсент тюремный врач или придворный? Выясни, что там стряслось, да побыстрее.

– Ваше величество, вы опаздываете на заседание суда, – напомнила секретарша.

Вот незадача! Мне бы хотелось, чтоб лекарь меня осмотрел, все-таки неизвестно, кто так долго и всесторонне со мной общался. Половых инфекций в этом мире не было, зато были заклятия, проклятия, порчи и подобные штучки, в том числе и отсроченного действия. Мне вовсе не улыбалось умереть от внезапной хвори во цвете лет. Тем более, что я провела время с магом, от них любой гадости можно ждать. Хоть никакого дара мне не досталось, я прочитала пару учебников для начинающих и точно знала, что во время близости аура особенно уязвима, открыта для воздействия. Именно поэтому в близкий контакт с незнакомыми магами вступать не рекомендовалось. Кольцо у меня было с защитными чарами, но кто его знает.

Однако суд затянулся до вечера, потом был скромный ужин всего на шестьдесят персон, потом пришлось посетить королевскую ложу в Опере. Как покровительница искусств,

я не могла пропускать премьеру, приуроченную к собственной свадьбе.

Все представление «Марианны и Адольфа» я выслушивала жалобы Ромео на домогательства актрис. Как только по театральной братии пронеслась весть о назначении Ромео на пост директора Департамента искусств, так его приемную осадила армия жаждущих признания, ролей и известности актеров и актрис. Разного возраста, внешности и таланта, одержимых одной целью – соблазнить мужчину.

С одной стороны, граф Ромео делла Хара – муж королевы. Будь он даже уродом, его бы осаждали так же. А с другой стороны, искусство требует жертв, и дамы весьма решительно были настроены принести в жертву королевское семейное счастье, взамен одарив Ромео своими прелестями. Я от всей души посочувствовала мужу.

– Как твой Гвеналь? – тихонько спросила мужа.

– Мы не сможем часто видеться, я даже не представлял, что он так много работает, – грустно сказал Ромео. – Представляешь, в его ведомстве работают с утра до вечера! Каждый день! Пригласим его на завтрак?

Я хмыкнула. Ромео понятия не имел ни о какой регулярной работе, и считал подвигом ежедневное появление в рабочем кабинете хотя бы на пару часов. Но если дело его увлекало по-настоящему, мог заниматься им сутками. А по поводу завтрака отрицательно покачала головой. Это было немыслимо, Ромео и сам это отлично понимал. На завтрак

приглашались только члены семьи, особо доверенные друзья, самый близкий круг. На обед было пригласить проще, круг лиц, допущенных ко двору, был довольно широк, но зачем вытаскивать на свет скромного чиновника? Его сожрут и костей не оставят! Об ужинах тем более речи не шло, ужин – мероприятие ответственное, публичное, с кучей посторонних.

Мы вернулись во дворец ближе к полуночи. Все мои слуги знали, что ночью меня дергать строго запрещено, разве что случится что-то сверхъестественное. Я и на прежней работе не награждала тех, кто работал сверхурочно, а наказывала. Рабочее время для работы, кто не успевает, значит, плохо распределяет свое время или не соответствует должности. Поэтому о происшествии в каземате я узнала только утром от старшей горничной Нелл.

Венделина держали в блокаторах. А он и без них нуждался в ежедневной подпитке, я лично распорядилась приводить к нему жрицу любви из ближайшего заведения. Стражники решили, что им нужнее, и несколько дней пользовались внезапной благодатью, не обращая внимания на состояние заключенного, пока он не потерял сознание. Тюремный лекарь мог справиться разве что с ушибами и вывихами, и перепуганные стражники вызвали придворного лекаря. Все-таки Венделин – бывший придворный маг, ценный заключенный, и советник Штерблум открутил бы им головы, если бы узник помер до начала показательного процесса.

– Как всегда, глупость, похоть и жадность, – констатировала я. У меня возникла одна идея, как поставить узника на ноги, но ее следовало всесторонне обдумать. Стражников, разумеется, гнать в шею.

После утреннего обязательного визита в часовню, где я делала вид, что молюсь во благо Элизии, я послала Катарину за списком уволенных стражников. Предчувствие меня не обмануло – четвертым в строчке значился Рауль Стентон. Я начала считать по пальцам. В день свадьбы он сменился вечером, заступил через сутки утром, потом сменился утром, заступил в ночь... Никак он не мог вчера дежурить! Разве что сменой поменялся. Какое мне дело до тюремщика? Никакого. Но Рауль такой славный парень. Так бескорыстно утешал меня и даже обещал жениться, думая, что говорит со служанкой Анни. Справедливость – наше все, особенно личные связи. Это Рауль думает, что у него их нет.

Я ухмыльнулась, отправляя записку младшему дознавателю Гвеналю дель Брушен. Пусть проведет допрос, посмотрим, какой он дознаватель, насколько дотошен, честен и справедлив.

Мне еще следовало проверить приют, откуда так старательно стремились выпихнуть девочку Розетту. И провести заседание Благотворительного комитета. И проверить смету на строительство школы. Где? В Вермонте? Я помнила этот приятный городок, где была на праздновании его пятисотлетия. И градоначальник там толковый. Я так закрутилась с

делами, что вспомнила о лекаре только ночью. Надо утром будет обязательно позвать.

Утром, после тренировки, секретарь меня обрадовала сообщением, что девушки, претендующие на должность фрейлин, собрались и ждут меня более трех часов.

– Сколько? А кто им назначил явиться так рано? – возмущилась я. Точность вежливость королей, я же не депутат городской думы, заставляющий людей ждать по полдня. – Лира Катарина, вы же знаете, что я утром занята! Форменное свинство заставлять людей себя ждать!

– Приказ придворного мага, – дoloжила секретарша. – Он обследовал девушек на вредоносные заклинания и запрещенные артефакты с шести утра. Допустил к собеседованию восемнадцать девушек из тридцати.

Жером отлично потрудился, какая самоотверженность! Разумно, после проверки нельзя их было отпускать, натащили бы снова в карманы всякой опасной магической дряни. И я бы даже произнесла похвалу магу вслух, но мне уже открыли двери в парадную гостиную, пришлось захлопнуть рот.

Это было жалкое зрелище! Тоненькие бледные девушки, трясущиеся от волнения, затянутые в корсеты до невозможности дышать. Парадные прически и тяжеленные шлейфы. Прабабушкины массивные кольца на дрожащих пальчиках. Трепетные фиалки и нежные ландыши. Интересно, хоть одна хищная мухоловка или росянка тут обретаеся?

– Похоже, им всем требуется срочная помощь лекаря, –

процедила я. – Свежая сдоба и горячий чай. А пригласите-ка мне Ринальдо дель Грава, начальника охраны дворца.

Ринальдо, стремительно зайдя в гостиную, щелкнул каблуками и озабоченно посмотрел мне в глаза. Я постаралась его успокоить, слегка улыбнувшись. Когда-то я и в нем сомневалась, подозревая в предательстве.

– Подойдите ко мне, капитан. Вы видите этих юных лир?

– Да, ваше королевское величество!

– Как думаете, кто из них сможет быстро оказать мне помощь в случае беды? Я не имею в виду оторвавшуюся оборку или забытый зонтик от солнца. Защитить, спасти от опасности? Остановить кровотечение, перевязать, наложить жгут? Оказать физическое сопротивление злоумышленнику?

– Ни одна, ваше величество, – честно признался Ринальдо, окинув взглядом претендентов.

– А есть у вас добросовестный сержант, натаскивающий новобранцев?

– Пятеро, ваше величество.

– А способный не залезть девушке под юбку? – продолжала я допрос.

– Двое, ваше величество, – после некоторого раздумья признался капитан.

– Отлично, капитан дель Грава. Итак, вот вам восемнадцать новобранцев. Заселить в отдельное помещение, переодеть и приступить к тренировкам уже сегодня.

– Лир, вы поступаете в распоряжение капитана дель Гра-

ва, – сообщила я девицам. – Вопросы?

– Простите, но мы лиры из благородных семей, мы не хотим тренироваться!

– Это не подобает приличной девушке!

– Нас не к этому готовили!

– Папа будет против! – запищали благородные лиры.

– Стоп, – остановила я возмущенные голоса. – Лир, что вы умеете, что пришли во дворец, претендуя на высокую должность фрейлины?

– Петь, танцевать, наряжаться, носить драгоценности, выбирать ароматы...

– Музыцировать, рисовать, вышивать!

– Скажите, что вы будете делать при пожаре? – я полюбовалась на недоумевающие мордочки.

– Ждать, пока нас спасут, – уверенно сказала одна.

– Бежать, – предложила вторая.

– Взывать о помощи, – гордо сказала третья. Это был самый лучший ответ.

– Прекрасно. Вы все абсолютно бесполезны. Итак, капитан, – обратилась к Ринальдо. – Особенное внимание уделите общефизической подготовке. Учения на случай пожара, наводнения, землетрясения, нападения, захвата заложников...

– Я разбираюсь в ядах! – воскликнула самая сообразительная.

– Я отлично езжу верхом!

– Меня брат учил фехтовать, – призналась юная лира и отчаянно покраснела.

До некоторых девушек быстро дошло, что не могло меня не радовать, смысленные девочки всегда нужны. Я милости-во им улыбнулась, запоминая специалистку по ядам. Отравительница мне точно в свите не потребуется, вот на кафедру зельеварения в академию ее следует отправить немедленно. С моей личной рекомендацией, пусть только попробуют возразить!

– Фрейлина – не просто компаньонка. Не забавная зверушка, призванная только развлекать мою особу, я бы тогда завела комнатных собачек или породистых кошек. Девочки, чтоб срывать на них зло, мне тоже не нужны. Мне важны ваши полезные навыки. Ведь мне придется положиться на вас, ваше умение правильно среагировать в сложной ситуации, защитить меня и будущего наследника.

Глаза всех девиц синхронно перешли на мой живот. И я его машинально прикрыла ладонями.

– Пока вы не готовы. Но после обучения я буду рада вас видеть в своем окружении.

– Но защищают гвардейцы... – начала одна девушка.

– Да?

– Гвардейцы обязаны охранять и спасти вашу персону!

– Мою, да. А кто будет спасать вас? Я? Гвардейцы со мной рядом должны быть в купальне, в гардеробной, в спальне? Причесывать, помогать одеваться? Так, по-вашему? Тогда

зачем мне вообще фрейлины, милое дитя?

– Простите, – пролепетала она, сжимаясь.

– Отец будет против. Я девушка, а не юнкер! – громко заявила хорошенькая брюнетка. – Вы требуете невозможного!

– Терпеть рядом никчемное слабое существо, не способное оказать реальную помощь, вот это невозможно! Это недопустимая роскошь для моего статуса, – вздохнула я. – Мне нужно двенадцать фрейлин, вас восемнадцать. Вывод ясен, я оставлю наиболее полезных. Умелых, способных и трудолюбивых. Преданных, не рассчитывающих на внимание моего супруга.

Брюнетка вспыхнула. Бедняжка. Как минимум, пятеро из девушек рассчитывали именно на это. Ядовитые плющи среди нежных фиалок. Их, безусловно, настроили добрые мамы и честолюбивые отцы. И они со всем апломбом юности готовы были сражаться, грызть глотки и совершать подлости, ведь стать фавориткой короля так почетно! И выгодно! Но Ромео – не король. А только консорт, ответственный за появление наследника.

Хотя Ромео слишком красив, чтоб в него не могла влюбиться юная лира совершенно искренне. Да и не слишком юная обратит внимание на привлекательного мужчину. Мужья в договорном браке красотой и обаянием не блещут, дамы отрываются на любовниках. Только в книжках в договорные браки. вступают brutальные красавцы герцоги. В реальной жизни не все так радужно, и герцоги, вообще-то тоже на

дороге не валяются, это очень высокий титул, а как почитаешь, так их, как собак нерезанных, куда ни плюнь, герцог. Маг, красавец, да еще молодой, холостой и богатый. А это пять разных мужчин, выбирай на вкус.

– Итак? Кто считает, что ваши прелести, знатность и воспитание достаточны для столь высокой должности – направо. Кто готов презреть обычаи, не слушать папеньку и поработать над собой – налево.

Девушки разбились на две группки. Пять и тринадцать. Брюнеточка все же, поле долгого колебания, присоединилась к большей группе, неодобрительно посверкивая синими глазами.

«Хороша, дрянь этакая», – справедливо отметила я, прощаясь с малой группой.

– Я вас понял, ваше величество, – щелкнул каблуками Ринальдо. – Гертруда передавала привет, – прошептал он.

– Как она? – почти не разжимая губ, спросила я.

– У нас будет ребенок!

– О, какая чудесная новость! Мои поздравления! – я смахнула невольную слезинку.

У королев подруг не бывает, но Гертруда – она была. Честная, грубоватая, прямая и искренняя деревенская девушка завоевала мое сердце с первой минуты. Она так рьяно защищала своего отца на суде. Я велела доставить ее во дворец. Именно из-за меня она вытерпела унижения и издевательства, едва не погибла. Когда Штернблум избавился от коро-

ля Дориана, Гертруда стала жертвой наемников. Из-за моего эгоистичного желания иметь рядом чистого, порядочного человека, я обрекла ее на страдания.

Теперь, когда она, наконец, была счастлива замужем, я до сих пор не могла избавиться от чувства вины. Возможно, именно поэтому я не могла приказать уничтожить ее семью. Только они знали правду о моем сыне. Простые крестьяне хутора Верхние Ложки растили моего сына с младенчества и любили, как родного.

– Благодарю, ваше величество!

Глупый, честный Ринальдо! Он думал, я навещаю свою согрешившую служанку в деревне. А когда узнал правду, то принес магическую клятву верности. И спасал меня от холода и голода, доставив в лагерь бунтовщиков, когда меня коршуном по всей стране искал Штернблум.

Я сжала его руку. Надежную, крепкую руку. Пока никто не видел. Впрочем, его давно числили в моих отставных любовниках. Главное, чтоб Гертруда так не думала. Но она неотрез отказалась покидать деревню, даже выйдя замуж за Ринальдо, и я надеялась от всей души, что грязные слухи никогда не достигнут ее ушей.

Начальница приюта мне категорически не понравилась. Нет, ее облачение было безупречным, а поведение безукоризненным, но... Что-то неуловимо порочное казалось в складках ее тонкогубого рта, в темных глазах, полускрытых

тяжелыми веками. Низко поклонившись, она провела меня по приюту, показав классы, трапезную, кухню, музыкальный зал, спальни девочек. Все было очень бедно, но чистенько. Я отправила секретаря проверять отчеты, а трех дам из Благотворительного комитета послала беседовать с ученицами. Разумеется, на бумаге все будет в порядке, не сомневаюсь.

Вернувшись в кабинет начальницы, я заговорила о том, что меня беспокоило.

– На балу дебютанток мне была представлена лира Розетта деи Дорини. Отчего столь юная лира, не закончившая обучение, покинула стены приюта?

– Лира вызвала ваше неудовольствие? Она... проявила невоспитанность? – особо встревоженной почтенная дама не выглядела. – Мы сочли возможным показать ее свету, поскольку Розетта отлично успевает по всем предметам, она из хорошего рода, и таким образом, мы надеялись, она сможет устроить свою судьбу. После помолвки как раз бы прошел год-два, она будет готова для брака, – объяснение выглядело вполне достоверным.

– Вы считаете, что пятнадцатилетняя девушка в состоянии сделать правильный выбор? Оценить характер, склонности и способности незнакомого человека? Защитить себя от ловеласов и обманщиков? От развратников и сластолюбцев? – скептически спросила я.

Разве я себя не помню в пятнадцать? Дура-дурой была. Мне нравился школьный бунтарь, разумеется, наглый, бес-

принципный парень, но тогда он мне казался восхитительно прекрасным олицетворением свободы. Через два года после выпуска он умер от передоза. Свобода, она такая.

– Моральные принципы, которые мы прививаем воспитанницам, весьма крепки, – уверенно сказала начальница. – Мы уверены в нравственности наших девочек.

– А обучаете ли вы их приемам самообороны? Эти навыки крепки?

– В программе обучения такой дисциплины нет, – запнувшись, призналась начальница. – Воспитанницы изучают этикет, математику, историю, литературу, чистописание и языки. Девуцы благородного рода уделяют внимание геральдике, танцам, музыке и пению. Все без исключения изучают ведение домашнего хозяйства, шитье, штопку, кулинарию. Примас, когда навещал наш приют на прошлой неделе, весьма высоко отозвался о наших воспитанницах! И высказал желание видеть некоторых из них в Обители! Это ли не достойная оценка нашего труда?

Ах, вот в чем дело!

– Ли́ра Розетта оказалась в числе тех избранных, кого пожелал видеть Примас?

– Да, – почтительно отозвалась начальница, но мне показалось, в ее интонации был вызов. В темных глазах горела решимость.

И если вначале я безоговорочно была склонна сменить начальницу, то теперь – нет. Эта благочестивая женщина не

хотела отдать Розетту Примасу, это очевидно. Поэтому она ее обрядила в мешковатое платье не по размеру и отправила на бал. Чтобы я ее увидела.

– А почему же вы не хотите перевести девушек в Обитель? – это был провокационный вопрос. – Это честь для приюта.

– Стремление к праведной жизни должно идти от сердца, – уклончиво ответила начальница, отводя взгляд. – Девушки же пока юны, полны суетных мечтаний. Они грезят о замужестве, о семье, они не готовы отринуть все мирское.

– Из ваших воспитанниц, несомненно, получаются прекрасные жены.

– Так мне не отправлять девушек в Обитель по распоряжению Примаса? – начальница волновалась, на щеках загорелись два красных пятна.

– Нет, – решительно ответила я. – Это королевский приют, а не монастырская школа. С какой стати нам идти против желания девушек? Замужество мне представляется более приоритетным и благим делом для страны. Вы ведь в курсе, что я ежегодно устраиваю традиционный бал бесприданниц. Неженатый мужчина неблагонадежен. А вы не знаете, почтенная матушка, Примас осенил благодатью только ваш приют?

– Насколько мне известно, он посетил шесть приютов в столице и пригородах, еще пять по пути следования, – сообщила начальница и протянула листок. – Вот их адреса.

Нет, сместить такую женщину – преступление! Какая умная и отважная женщина! Черт с ними, глазами и губами, она ради своих девочек совершила маленький подвиг! Вызвала гнев королевы, навлекла проверку, рискнула своим положением.

– Вы, кажется, очень привязаны к своим воспитанницам?

– Они – единственное, что у меня есть, – просто ответила начальница.

Минутка взаимопонимания, глаза в глаза и мы простились. Сев в карету, я тут же распорядилась отправить в приюты королевское распоряжение не направлять девушек в Обитель. По причине острой нехватки невест для дворянства! Всех срочно замуж!

Глава 6

Придворный лекарь закончил махать надо мной руками. Я смогла принять его только через неделю после Павильона, все время сожрали поездки, совещания и бесконечные дела. Отъезд графа пришелся очень кстати и требовал от нас с мужем решительности и незаурядного трудолюбия. Вычистить замок Фратескор было совсем не легким делом.

– Поздравляю вас, ваше величество! – засиял лэрд Винсент собственным светом.

– С чем? – хмуро спросила я, запахивая халат.

– Ну, как же, – слегка засмутился лекарь. – Вы носите наследника! Срок очень мал, не превышает семи дней. Пока невозможно установить пол, но присутствие новой жизни в вашем теле несомненно!

– Может, завелись глисты? – усмехнулась я.

– Я маг Жизни, – оскорбленно заявил лекарь. – И в этом ошибиться не могу. Вы беременны. И ребенок явно одарен, ваш фон изменился.

– Не может быть! – не верила я. Да мы всю неделю с Ромео падали и засыпали, едва коснувшись подушки! Не до секса нам было!

– Ну, почему же не может? – удивился лекарь. – Вы вышли замуж два месяца назад, это вполне закономерно. Ничего удивительного нет. Все знают, что вы спите вместе, как...

«простолюдины» – явно хотел сказать лекарь, но выкрутился. – ...любящие супруги. Хотя это и не принято среди аристократов, но результат налицо! Мои поздравления, ваше величество.

Я села на кровати, схватившись за голову. Не мог завестись ребенок от совместных ночевок и поцелуев на ночь в щечку! Или мог? Не говорить же лекарю, что Ромео до сих пор просто боялся спать один.

В спальню влетел Ромео, плюхнулся рядом, тиская и зацеловывая меня.

– Я так рад! Мне уже сказали. Вероника, я тебя обожаю!
– Больше Гвеналя? – не удержалась я от шпильки.
– Больше! – легко признал Ромео. – Он же не беременный!
– И никогда не будет, что характерно. А если это не твой ребенок? – прошептала я, пораженная неприятной догадкой, от которой мне стало откровенно нехорошо. – Давай разведемся, а?

– Что? Не говори глупостей! Ребенок – не повод для развода. Мы не зря старались! – Ромео, подскочив с кровати, стал радостно прыгать по комнате, размахивая руками. – Какое счастье! Я смог! На меня надеялась вся страна, и я смог! Мать будет счастлива!

– Боюсь, что это не так. В Павильоне я тебе изменила, – тихо призналась.

– Я тоже тебе изменил и что? – не понял Ромео.
– Если родится смуглый ребенок с темными волосами? У

нас, голубоглазых блондинов с белой кожей? Это же позор!

– Плевать! Подумаешь, волосы, глаза... а кто это был, кстати? – заинтересовался Ромео. – Кого ты осчастливила? Он угодил тебе?

– Не знаю, в том-то и дело, – вздохнула я. – Вроде и знаю, а вроде и нет.

– Я готов тебя поддерживать во всем и всегда. Никаких разводов! Я не сошел с ума – лишаться умной, понимающей и ослепительно красивой жены.

Ромео решительно посоветовал мне прекратить грустить. У нас радость. В которой скоро примет участие вся страна. Не выйдет ребенок мастью – всегда есть бабушки, дедушки, тети и дяди. Он примет любого, хоть чернокожего ребенка и будет утверждать, что это его родной отпрыск, а виновата во всем прабабка, согрешившая с шарданцем. Или островитянином.

Ромео поклялся, что станет отличным отцом! Как любой мужчина, не сталкивающийся никогда вплотную с орущим младенцем, он думал, что получит сразу большого умненького мальчика и станет учить с ним буквы, играть солдатиками, ходить на речку и в лес. Ну-ну.

Я же медленно погружалась в черную меланхолию. Не время для детей. У меня тут маги-мятежники, планов множество, и все требуют внимания, сил и выносливости! И Штернблумы! Венделин в коме. Марк пропал. Обитель эта, чтоб ей сгореть вместе с Примасом!

– Так с кем ты была? Он тебе угодил, этот загадочный тип?

– Не знаю я! Маг точно. Мне показалось, что мы знакомы.

Мы вместе еще раз тщательно просмотрели весь список.

Подозрения вызвали двое, но Ромео решительно их отмел.

– Вот этот, лэрд Тибальд, он прямо на подиуме... э-э-э, любил лиру Птичку. Весь вечер. Я лично видел. Он предпочитает очень костлявых дам, к которым возможен интерес исключительно энтомологический. Он вообще не заходил в альковы. А этот, лэрд Теофрас, банально напился, и дрых на диване!

– Так может, это он и есть? Проснулся и спрятался. Хотя нет, не пахло от него алкоголем. Там какой-то лэрд пришел вместо своего начальника, – я пощелкала пальцами. – Лэрд Баррето, переводчик. Значит, в число гостей мог затесаться посторонний.

– Да как!? Разве что он маг невероятной силы! Но ведь Венделин в тюрьме!

Ох, что-то мне подсказывало, что если и могло что-то случиться, то только самое плохое. А Венделина я бы узнала хоть в маске, хоть в парандже! Но сейчас он был в тюремном лазарете в магической коме.

– Ромео, я уверена! Там был посторонний! Он сделал мне ребенка!

Ромео обнял меня и погладил по волосам.

– Успокойся, дорогая. Ты сомневаешься во мне, как в мужчине, и невероятно обижаешь меня. И как-то я ожидал,

что ты будешь рада. Очень рада. Ну, женщины обычно радуются, когда узнают, что беременны. Почему я один радуюсь, а жена – нет?

– Потому что ты уже все сделал, а мне еще рожать, – пробурчала я. Не всегда женщины радуются. – Ромео, это ужасно. Это аморально! Нет ничего хуже нежеланного ребенка, рожденного в угоду чьим-то чужим интересам. Мне уже его бесконечно жаль. Принц или принцесса, рожденная потому, что так нужно, а не потому, что родители любят друг друга и мечтали о ребенке.

– Нет ничего аморального в том, что женщина станет матерью! И мы любим друг друга. Ведь так? У меня никогда не было женщины ближе и дороже тебя! Что за истерики на пустом месте? Ой, ты же сейчас будешь всегда себя так вести, да? – Ромео отпрянул на меня и посмотрел испуганными голубыми глазами-блюдцами. – Женщины в положении невыносимо неуравновешенны, капризны и...

– Нет! – зарычала я. – Ромео, разрешаю стукнуть меня по голове, если я начну вести себя, как ненормальная психопатка.

Ненавижу баб, распускающих себя с первого дня беременности и начинающих вести себя, как невменяемые. Мучить окружающих идиотскими прихотями и придирками. Это не гормоны, это отсутствие воспитания, дурной характер и нежелание себя сдерживать.

– Я не стану бить свою любимую жену и лучшую из

женщин ни по каким местам, не дождешься! Вероника, я очень тебя прошу. Не надо искать того счастливчика, ну, или неудачника, смотря как посмотреть. Забудь о нем. У тебя есть я. Родной законный муж. Даже если зачал не я, то это не имеет никакого значения. Никакого.

– Ты прав, Ромео, прав, – я благодарно погладила мужа по щеке. – Но есть серьезная проблема. Ребенок мага будет требовать магической подпитки, без нее он истощит меня и сам умрет. Ведь я пустышка.

Ромео призадумался.

– Я довольно слабый маг, – признал он. – Учителя магической академии рекомендовали мне общий начальный курс и советовали не мучиться зря дальнейшим обучением. Я закончил обычный, не магический университет. Так, нам нужен одаренный любовник, – тут же сделал вывод Ромео. – Я правильно понимаю, у нас есть еще немного времени?

– Да, месяца три. Может, немного больше.

Протокол допроса Рауля Стентона меня порадовал. И почерк у Гвеналея оказался превосходный. Четкий, разборчивый, без лишних завитушек. Кто пишет, как курица лапой – не уважает ни себя, ни окружающих. У кого в голове порядок, у того и в бумагах порядок. Доставленный почтой документ свидетельствовал о несомненном профессионализме дознавателя. Он задавал нужные вопросы и делал правильные выводы. Более того, он даже опросил по своей инициати-

ве еще троих уволенных стражников. Наверное, Ромео ему очень нравится. Чтоб чиновник добровольно сделал что-то без прямого распоряжения начальства – таких не было ни в моем мире, ни в Элизии.

– Любимая, идем обедать! – Ромео, как всегда, бодрый и безукоризненно одетый, нарядный, как бабочка, впорхнул в кабинет. – Опять она зарылась в документы!

– Почему лэрд делла Брушен только младший дознаватель? Я вижу, он очень способный и добросовестный мужчина, – потрясла я отчетом.

Ромео польщенно улыбнулся.

– Он такой умный! Вероника, ты не представляешь, как с ним интересно! Но у него не хватило денег сдать экзамен на более высокий чин. Он не из богатых людей.

– Что? – я была потрясена.

Да, лично я ввела экзамены для чиновников. Не хотела видеть у власти тупых и ограниченных людей. Система аттестации, контроля и постоянной смены представителей власти на местах показалась мне справедливой и разумной. Чиновники не должны засиживаться на своих местах. Пять лет и либо на повышение, но в другую провинцию, либо под суд и в ссылку. За пять лет видно, кто чего заслуживает. Тем более, что множество высоких должностей я заняла вчерашними студентами, им была привычна система регулярных экзаменов. Но деньги? При чем тут деньги?

Оказалось, Первый советник не отменил королевский

указ. Всего лишь добавил условие в Правила экзаменов. О допуске к экзаменам лиц определенного имущественного ценза. Собственное домовладение, земля или солидная сумма на счету входили в обязательный перечень для соискателей средних и высших должностей.

– Он сказал, что нищие не способны работать на благо страны, потому что будут радеть лишь о своем кармане, – процитировал Ромео. – Совет утвердил поправку.

Я застонала. Бесприданниц на ежегодном балу я стабильно пристраивала замуж. А вот бесприданников, всех этих младших сыновей, обделенных наследством, лишенных титулов и денег, куда девать? Я рассчитывала дать им должности и блестящую возможность проявить себя. А выходит, что они ничего не получили. Вот и источник недовольства. А молодежь так легко запутать, увлечь красивыми словами! Подбить на мятеж.

– Ваше королевское величество! – в кабинет вошел граф Штернблум.

Приехал и сразу начал давить своей гнетущей аурой. Сказать, что мы не слишком были рады его видеть – ничего не сказать. Ромео ослепительно улыбнулся. Воспитание! У меня неплохо получалось держать лицо, но вот так демонстрировать радость, которой нет, я так и не выучилась. Это с пеленок должны быть строгие гувернантки, требующие безукоризненных манер и ежеминутно контролирующие выражение лица воспитанника.

– Рада видеть вас в добром здравии, – сухо сказала я. –
Ваша поездка была успешной?

– Более чем, – ответил граф. – Что вы еще придумали,
Вероника?

– Вы о чем?

– Что вы сделали с нашим милым Фратескором?

– Это мое владение, и я не понимаю, почему вас интере-
сует, что я там делаю. Хоть сожги я его, это не ваше дело!

– Сжечь... могу и сжечь, если настаиваете. Вместе со всем
курятником.

– Да, о курятнике. Ваша бывшая любовница Сюзанна, та,
что заменяла меня, пока я отдыхала в Иллирии, передавала
вам приветы и пожелания долгой жизни, – усмехнулась я.

Отставную любовницу граф пристроил в бордель, и ей там
пришлось весьма тяжело. На самом деле она его проклинала
весьма изобретательно и цветисто, и я надеялась, что у
нее в запасе найдется что-то покрепче проклятий, все-таки,
несмотря на всю вульгарность, Сюзанна была из хорошего
рода, у нее были родные, может, и удастся свалить графа чу-
жими руками. Чем больше недовольных им, тем лучше для
меня.

Сейчас в замке полным ходом шла перестройка.

– Вероника, вы играете с огнем.

– Если моя драгоценная супруга желает открыть школу
искусств, то быть посему! Ни в чем отказа не будет! – пафос-
но воскликнул Ромео.

Я было удивилась, но Ромео быстро подмигнул мне, и я сразу успокоилась. Ромео изумительно строил из себя высокомерного, недалекого, жеманного придворного. Этакого павлина. При первой встрече меня чуть не стошнило от его надменности и презрительных замашек. Раскусила я его намного позже.

– Вот как? – граф пристально посмотрел на Ромео.

– Не смейте пугать мою жену, тем более, сейчас, когда она носит ребенка! – истерично взвизгнул Ромео. – Я требую уважения!

– Вот почему вы так осмелели? – прошипел советник. – Сделали свое дело?

– Мы заговорились, а нас ждут к столу. Кстати, захваченные мятежники, что с ними будет? – я положила руку на локоть графа.

– Эти подробности не к столу, ваше величество, – ухмыльнулся советник. – Казнь, естественно, публичная, с пытками. Зрелищно и впечатляюще. Колесование, четвертование, потрошение...

– Моя жена не пойдет смотреть на это! – вмешался Ромео.

– Это расточительство! Столько обученных магов отправить к праотцам, – пробурчала я. – Работа на благо империи намного практичнее!

– Так они не будут работать добровольно, а с блокиратором много не наработают, ваше экономное величество. Маги не умеют работать руками, – граф сообщил мне очевидные

вещи, как пятилетней и очень тупой девочке.

– Мне нужно десяток магов земли, несколько магов воды, один огневик, – начала перечислять я. – Нет, два огневика!

– И зачем же, позвольте спросить?

– Дорогу строить, разумеется. Отвести реку, сгладить рельеф, ну и так, по мелочи. Скалу взорвать, дамбу сделать. Мост.

– А! Решили облагодетельствовать население какого-то захолустного угла? – догадался граф.

– Даже в глухой провинции люди должны знать, что королева помнит об их нуждах! Не посылать же туда придворного мага!

– Мой сын не дорожный рабочий! – скривился советник.

– Безусловно! – с жаром согласилась я. – А с узниками я поговорю, думаю, они согласятся.

Скептический смешок был мне ответом.

Уже сев за стол, я поняла, что первоначальный план выдавать себя за Лилиан с треском провалился. Как-то мы слишком быстро перешли к перепалке, но я слишком разозлилась, чтоб играть роль глупой и покорной послушницы.

После утомительного полуторачасового обеда я сказала, что нуждаюсь в отдыхе и удалилась в спальню. Там, быстро одевшись в самое скромное платье, я выскользнула в потайную дверь.

– Как он? – спросила, входя в маленькую комнату с зарешеченным окном под потолком. Кровать, стол, табурет. На

кровати лежал худой мужчина, укрытый до пояса одеялом. Рядом с кроватью сидела девушка в монашеском облачении.

– Моя дорогая сестра! – сморщилась Лилиан. – Когда ты меня выпустишь?

– Когда наш больной поправится. Тебе Примас что приказал? Оказать помощь, вот и оказывай, ты должна лежать с ним рядом! – я подошла ближе и посмотрела на Венделина. Магическое истощение, как есть: запавшие глаза, бледность, сухие губы, частое поверхностное дыхание. Мне приходилось видеть такое уже неоднократно.

– Не смей пачкать его светлое имя своими грязными губами!

– Будешь хорошо стараться, отпущу в Обитель, – миролюбиво сказала я, потрогав лоб бывшего придворного мага. – Светлейший наверняка скучает.

– Я стараюсь! Ночью он дважды овладевал мной. Утром еще, – Лилиан отвернулась.

– Прекрасно! Значит, скоро выйдет из комы и придет в себя. Трудись, сестра моя, и будет нам счастье. Раздевайся и ложись.

– Почему ты сама его не пользуешь? – подозрительно прищурилась Лилиан.

– Это твое поручение от Просветленного, вот и исполняй! – с этими словами я повернулась к двери. Лилиан метнулась ко мне с кувшином в руках. Ничего эту дуру не учит! Уклонившись и присев, я дернула сестру за руку, выставя

ногу в сторону. Грохот, звон, разлетевшиеся осколки кувшина. Венделин на кровати беспокойно вздрогнул.

– Ты навредишь больному. Успокойся, идиотка! – я сдула со лба непослушную прядку. Не умеет драться, но никогда не упускает случая напасть исподтишка.

Лилиан проводила меня ненавидящим взглядом. Нет, на что она рассчитывала? Сбежать? Сидит в тюремном лазарете, прикованная за ногу тонкой, но крепкой цепью, тепло, сухо, чисто, кормят регулярно. Лечит не абы кого, а бывшего придворного мага, почетная, между прочим, работа, благородная! Для нее привычная. И все равно каждый раз кидается, как бешеная шавка. Вот же склочный характер у моей сестрицы! Что они там в Обители делают с девушками, чтоб такую агрессию воспитать?

– Навредишь больному – отправишься прямо на кладбище и никогда не увидишь Примаса! – напомнила я и вышла.

Когда мы убрали Лилиан из королевской спальни, я сразу подумала о тюремном лазарете. Место тихое, уединенное, с магической защитой, лучше и не придумаешь. Не в тюрьму же ее было сажать. Это как-то даже для меня чересчур. Она, конечно, мне и не сестра, вообще незнакомая девка, но все же, она всего лишь покорное орудие в руках Примаса. А тут и Венделин в коме оказался, я решила – пусть Лилиан отработывает хорошие условия неустанным трудом на теле выгоревшего мага.

К нему у меня тоже особых симпатий нет, я к излишней

доброте не склонна. Но магами не разбрасываются, их и так жестокосердный граф Штернблум хорошо проредил. Конкуренции боялся, в Цитадели маги были намного сильнее, чем он, могли помешать его планам. А мне любой союзник пригодится, даже тот, кто может откусить руку. Я буду осторожна.

Через полчаса я уже сидела в своем кабинете, разбирая бумаги с Катариной.

– Ваше величество! – без стука вошла статс-дама, с поспешным реверансом. Дама прижала руки к впалой груди.

– Что-то случилось, лира Мартейн? – я ужасно не любила, когда меня отвлекали во время работы.

– Прошу вас, посмотрите в окно! – лира Мартейн кинулась к дальнему правому окну и слегка отвела тюль.

Это окно выходило на маленький внутренний дворик между флигелем для слуг и оранжереей. Пара розовых кустов, узкий газон и каменный столб посредине с львом, венчающим верхушку. Вокруг столба расхаживал первый советник, как всегда, в черном строгом камзоле без украшений, похожий на тощего ворона. А к столбу был привязан придворный маг в одних брюках, с обнаженной спиной. После каждых двух шагов советника спина Жерома украшалась тонкой алой полоской.

– Граф наказывает сына! – прошептала с ужасом Катарина, выглядывая у меня из-за плеча. – Бедный виконт!

– Вы обязаны вмешаться! – воскликнула статс-дама. – Это

недопустимо!

Я хмыкнула и вернулась к столу.

– Не вы ли, лира Мартейн, мне говорили, что воспитание детей не требует законодательного регулирования, ибо это внутреннее дело семьи? Отец имеет полное право наказывать сына, если он совершил неблаговидный поступок. Или просто так, для профилактики. Мы уважаем семейные ценности, не так ли? – спокойно сказала я.

– Да! Нет! Но... виконт ведь давно не ребенок! Граф искалечит его!

– Катарина, пригласи лекаря к выходу из оранжереи, – попросила я секретаря. – Его услуги могут понадобиться. А вы, лира Мартейн, успокойтесь. Граф ценит сына и наказывает его любя. Для его же блага, разумеется.

– Вы так спокойно будете смотреть на это?

– Что вас удивляет? Позавчера юный барон Лебберг исхлестал плетью лакея, вас же это не обеспокоило? Вы помните, что он задушил проститутку два года назад? Нет? Полгода назад шевалье Дюфанси избил жену так, что у нее случился выкидыш. А три месяца назад виконт Дель Брок сломал руку пасынку. Это все внутренние семейные дела. А семья – главное богатство в жизни каждого гражданина, не так ли?

– Но... лакеи и проститутки не заслуживают иного! Это чернь! А Жером Штерблум такой перспективный молодой маг!

– Кажется, вы говорили, что дети принадлежат родителям, и они вправе делать с ними, что угодно? Не понимаю вашего возмущения.

Статс-дама зарыдала и выбежала из кабинета. Я подняла взгляд на секретаря.

– Лира Мартейн весьма чувствительна, – сказала Катарина. – Достоинства виконта Штернблума не оставили ее равнодушной.

– Как и многих других. Он весьма привлекательный мужчина, – согласилась я. – Граф, видимо, ужасно рассержен на него. А если учесть, что он не нашел лучшего места, чем дворик под окнами моего кабинета то это... намек. Акция устрашения. Граф хочет сказать, что он в силах справиться своими руками со всеми противниками.

– Жестоко, – вздохнула Катарина, подавая мне очередную папку с бумагами, ждущими моей резолюции.

– И безумно унизительно, – снова согласилась я.

Возможно, из-за несдержанности отца теперь Жером будет не так к нему прислушиваться? Хорошая порка – прекрасное средство, чтоб пересмотреть приоритеты.

– Вы же не всерьез это говорили, насчет семьи? – тихо спросила Катарина.

Я подняла на нее глаза. Катарина побледнела и прикусила губку. Девушка явно не была в суде. Раз в неделю я рассматривала жалобы подданных, если они были недовольны приговором суда. Королевская справедливость, так ска-

зять. Первые годы жалобы шли потоком. Потом я постепенно отменила устаревшие несправедливые законы, прошерстила судей, назначила достойных и грамотных, и жалоб стало в разы меньше. Шевалье Дюфанси я утвердила смертный приговор, как за детоубийство. А виконт Дель Брок пошел на каторгу на десять лет. В его поместье я назначила надежного опекуна, чтоб позаботился об имуществе мальчика.

– Лира Катарина, а что бы вы сделали с шевалье Дюфанси? – спросила с любопытством. – Вы же добрая, милосердная девушка?

– Я бы убила его! – воскликнула девушка, сжав кулачки.

«Растет», – оценила я ее порыв. Раньше дыхнуть боялась. Я похлопала ее по руке, успокаивая.

– Ну, и я убила его. Не беспокойтесь.

Глава 7

Пробежка удалась. Я привела в порядок мысли и составила план действий. В спальне было тихо, балконная дверь открыта, и легкий ветерок шевелил края задернутой шторы. Ромео спал, раскинувшись на спине. Я погладила мужа по плечу.

– М-м? – Ромео открыл один глаз. – Вероника, ты чудовище! Еще восьми нет!

– Ты ходил вчера к Гвеналю? – прошептала я ему на ухо.

– М-мм, – промычал Ромео, обнимая меня за шею и укладывая рядом с собой. – Жестокая!

– Надеюсь, не к нему домой? В пансионат «У матушки Софии»?

– Нет. Я снял домик за Королевской площадью, – буркнул муж. – А откуда ты...

– И ходил туда один, в темноте, закутавшись в плащ, как плохой актер?

– А что? – Ромео со вздохом перевернулся и попытался взглядом испепелить балдахин. Балдахин оказался сильнее и не вспыхнул.

– Это неосторожно. Ты хочешь, чтоб Гвеналю убили? Или подкараулили тебя?

– Я очень осторожен.

– Как ребенок, честное слово, – вздохнула и ласково по-

трепала кудри мужа. – Это дворец. О твоей вылазке знают уже все, кому надо, к обеду будут знать те, кому не надо, а к ужину вообще все. Домик по адресу Песчаная, 6? Кухня и столовая внизу, на втором этаже гостиная и спальня, обитая желтым шелком. Уютное гнездышко.

– Ты следила за мной, – мрачно сказал Ромео.

– Думаешь, у меня есть на это время? Нет, не я. Если Гвеналь тебе действительно дорог, забирай его во дворец.

– Ты с ума сошла! Ты же говорила, никто не должен знать!

– Говорила. Но мне доложили о твоём гнездышке трое! Понимаешь? Трое разных людей. Ты не успел еще вернуться во дворец, а доклады легли на стол к начальнику стражи, первому советнику, главе тайной канцелярии, послу Иллирии, и бог весть кому еще! Гвеналья начнут шантажировать, угрожать, его попытаются купить, убить, скомпрометировать нас через него. Я не хочу, чтоб на тебя легло пятно. У нас не Иллирия, где связь с мужчиной не осуждается. Меня же заставят развестись с тобой! А тебя запрут до конца жизни в дальнем монастыре. В келье замуруют!

– Я понял и проникся, – хмуро сказал Ромео, окончательно просыпаясь. – И что делать?

– Назначай его своим секретарем. Ассистентом. Компаньоном. Да хоть помощником камердинера, ответственным за шарфы и галстуки! И держи постоянно при себе. Это все, что я могу пока предложить.

– А слухи? Если его будут провоцировать? Я-то давно

привык ломать шута.

– Обязательно будут. Объясни ему, как себя вести. До него непременно доберутся, исподтишка травить начнут. Либо он принимает такое положение вещей, либо пусть берет отступные и проваливает в провинцию, лелеять свою гордость. Я назначу его младшим судейским чиновником куда-нибудь подальше, в Хортон или Милькан. Он толковый парень, справится.

Ромео застонал, закрывая глаза.

– Я не хотела, чтобы так вышло, – погладила мужа по щеке. – Дворец не место для нежных чувств. Мне очень жаль Гвеналю. Но пока его не взял в обработку советник, забирай его! Только так ты сможешь его защитить. Не смог скрыть, значит, выставь напоказ. Не давай повода думать, что мы прячем его или боимся разоблачения. Мне будет неприятно услышать такую сплетню о своем муже.

– Ну что ты за человек! Вчера все было так прекрасно, а сегодня ты будишь меня ни свет, ни заря, и говоришь, что все ужасно! – простонал Ромео.

– Ты романтик, милый. А я реалистка, – я кинула в мужа подушкой.

– Ты хоть немного меня любишь? – обиженно посмотрел Ромео.

– Обожаю! – крикнула я, скрываясь за дверью ванной комнаты.

– Мне показалось, он старше, – шепнула я Ромео, заглянув в комнаты, отведенные во дворце Гвеналю. Хорошие комнаты: небольшая гостиная, спальня, личная купальня. Солнечная сторона и даже есть небольшой балкон. Обер-камергер прекрасно понимал намеки и расстарался обставить все новой палисандровой мебелью, и шторы повесил самые лучшие, коричнево-песочные. Консарту королевы обстановка не покажется слишком убогой, если вдруг он заглянет в гости. Я одобрително кивнула, пощупав шелковистую плотную ткань.

– Ему всего двадцать шесть, – выдохнул Ромео и легко поцеловал меня в висок. Ромео сам безумно хотел посмотреть, как устроился его любовник, но придумать приличный повод показаться в деловом крыле не смог. Мне же никакого повода не было нужно, тут у меня рабочий кабинет, парадный для официальных визитов в другом крыле. Тут все скромно, удобно и без всякого пафоса. Я здесь действительно работаю. Комнаты Катарини рядом, секретарь всегда должен быть под боком.

– Всего-то? Тогда он плохо выглядит, – я посмотрела на свежего и пышущего здоровьем Ромео. Ведь он на десять лет старше Гвеналю.

– Он трудящийся человек. Мало спит, много работает, жил в каком-то дешевом пансионе, с отвратительной кормежкой. Работать вредно для здоровья!

– Ага, замученный, но наглый. Это ведь он тебя соблаз-

нил, а не ты его, —напомнила я Ромео. — И чем он тебя увлек? Не понимаю. Не внешностью точно.

Щеки мужа порозовели, а уголки губ приподнялись.

— Душа моя, тебе тоже надо обставить кабинет на этом этаже, — сразу перевела тему. — Ты ведь теперь у меня очень важная персона. Недостаточно иметь рабочее место только в дирекции королевских театров.

— Хорошо, я скажу мажордому, — пожал плечами Ромео.

— Нет, ты скажешь Гвеналю этим заняться. Он же теперь твой помощник.

— Я забыл, что ты не терпишь бездельников.

От двери раздался стук и шелест. Мы обернулись. В дверях стоял красный от смущения Гвеналь делла Брушен, а у его ног валялась небольшая раскрытая сумка, из которой высовывался краешек ветхой застиранной рубашки. Бегал за вещами? Как мило.

— Ваше величество, ваша светлость, — парень неловко поклонился. Разумеется, он никак не мог ожидать, что королева придет лично взглянуть на его комнату, и теперь не знал, куда себя деть от такой чести. Аж сумку выронил.

— Добро пожаловать. У его светлости к вам уже есть поручение, — улыбнулась я. — Надеюсь, дворец станет для вас привычным домом.

— У вас не будет более преданного слуги, — Гвеналь поклонился, то и дело переводя беспокойный взгляд с Ромео на меня.

Я отлично понимала, как он неуютно себя чувствует. Любownik притащил его под бок к собственной законной жене. Думаю, это мало бы кому могло понравиться. Но помогать ему я не собиралась. Впрочем, вредить тоже, если он не будет пытаться внушать Ромео ненужные мысли. Или он найдет свою нишу в нашей особенной семье, проявив должный такт и уважение, либо не приживется во дворце, окажется на улице, окончив свою жизнь в сточной канаве. Завистники и интриганы не будут так мягки к нему, перемелют в жерновах злобы и клеветы.

Зато теперь я вблизи его хорошенько рассмотрела. Серо-зеленые глаза с дымкой усталости и какой-то обреченности, темные тени вокруг. Бледный, худой и нескладный. И это умилительное выражение беззащитности на лице. Ох, милый, думаешь, я поверю твоей жалостливой мордочке? Я знаю, кем ты работал. Следственный департамент – это жесткая работа для жестких людей, накладывающая свой отпечаток. Тебя еще долго будут проверять на прочность. Очень долго.

– Я уверена в вашей преданности, – милостиво кивнув, направилась к двери. Надо послать к нему Флору, пусть отведет его к портнихе, это же ужас, а не рубашка! Я аккуратно переступила через рассыпавшиеся вещи и пошла трудиться.

– Девушек собрали в ратуше, ваше величество, – доложил стражник.

Кивнула, расправляя кружева на рукаве. Почему все попанданки ненавидят корсеты — понятно, привыкли много жрать и вечно сутулиться перед монитором. А вот почему они цепляются за свои убогие джинсы и бесформенные футболки? Плохой вкус с детства, надо полагать, если в изначально рабочих брюках готовы идти в театр, на работу, в клуб. Да и идут брюки только очень худым женщинам, для остальных демонстрировать свои окорока убийственно. Одежда — это оружие, которым можно и нужно пользоваться. Прятать недостатки фигуры проще под длинной юбкой, это же очевидно! Разве может не нравиться платье, в котором ты выглядишь выше и стройнее, с красивыми драпировками, умеренным декольте и изысканными тонкими кружевами?

Что-то не так с женщинами, если им перестали нравиться красивые вещи. Вот как сейчас на мне. Девушки должны увидеть королеву, а не замарашку. Мой вид должен вызвать восхищение, ведь скорей всего, им не придется больше никогда в жизни лицезреть воочию правительницу, все ее великолепие и совершенство.

Сейчас мне предстояло произнести речь перед выпускницами приютов и пансионатов. Мне нужны были учительницы и воспитательницы в огромных количествах. Школы для девочек открывались по всей стране. В монастырские школы продолжали отдавать своих дочерей только самые консервативные родители. Но мне не нужны были религиозные фанатички. Я хотела вырастить поколение образованных, уверен-

ных в себе женщин, с чувством собственного достоинства и стремлением не ограничивать себя рамками семьи. Женщины – великая сила, которую мужчины недооценивают из-за своего вечного самолюбования. А женщины могут очень многое!

Я оглядела с возвышения море голов.

– Сегодня я хочу поговорить с вами о предназначении женщины.

Кто-то вздохнул, многие опустили головы. Я улыбнулась.

– Это вовсе не смирение и покорность, выполнение прихотей супруга и безусловное подчинение старшим. Общество отводит вам слишком жалкую роль. Разве вы не задумывались о том, что мир устроен несправедливо? Вашим братьям так многое позволено, а вам – нет. Никогда не жалели о том, что вы не родились мальчиками? Никогда не мечтали о свободе?

Девушки запереглядывались, многие закивали.

– Вы способны на большее, чем заботиться о питании мужа и чистоте в доме!

Я любила произносить речи. Вливать яд в неокрепшие умы, вносить смятение в уютный мирок их душ. Ломать привычные представления. Бросить семя, которое прорастет прекрасным деревом в их сердцах. Я видела перед собой ниву, которую следовало засеять. Разумеется, далеко не все станут так активны, как бы мне хотелось. Кто-то ограничится своим узким семейным кругом. Это тоже неплохо, если

помнить, что именно женщина – центр гармонии и созидания, от ее действий зависит комфорт всех членов семьи. Но я знала, чем их увлечь, вчерашних школьников. Вместо жалкой роли нянь, экономок и компаньенок, всецело зависимых от хозяев, я предлагала выпускницам приютов стать хозяйками своей судьбы. От уважаемой воспитательницы до начальницы прекрасно поставленного образовательного учреждения под эгидой короны. Растить армию помощниц и последовательниц следовало постепенно, но решительно вытряхивая из голов вбитые с детства догмы о смирении, второсортности женщин и покорности мужчине.

Я напомнила девушкам об изменениях в законах о наследовании, которые с огромным трудом протащила через Совет. К счастью, разумные советники тоже беспокоились о своих дочерях, и не желали давать будущему зятю слишком много прав. Девочки наследуют имущество так же, как и мальчики, имущество супругов отныне отдельно, и муж больше не сможет прокутить приданое жены. А уж как я подперла права детей в браке! Детей теперь нельзя было лишить наследства в пользу третьих лиц. Мне было чем гордиться. Ни одна молодая женщина с ребенком больше не окажется выгнанной из дома в случае неожиданной смерти супруга. Ни одна не будет терпеть рукоприкладство и унижения. Королева обеспечила защиту.

Девушки повеселели, их глаза возбужденно заблестели.

Я закончила речь призывом учиться, учиться и учиться.

Мне бурно хлопали.

– Ах, как вы прекрасно говорили! – воскликнула Катарина.

– Это моя работа, не так ли? – хмыкнула я.

Лира Катарина работала у меня всего три месяца секретарем и еще была немного наивна и излишне восторженна. Впрочем, она ведь тоже вышла из приюта, поэтому принимала близко к сердцу разговоры о свободе. Доверчивая девочка! Нет никакой свободы, есть выбор из зачастую одинаково неприятных выходов. И чем выше забираешься, тем выбор хуже. Она намного свободнее, чем я, но это ей просто в голову не приходит.

У ворот в парк меня ждал Ринальдо дель Грава. Он слегка кивнул. Я приказала кучеру остановить карету.

– Пройдусь немного пешком. Нет-нет, вы поезжайте, – остановила я Катарину.

Карета проехала в парк. Я проводила ее взглядом.

– Ну? Где он? – спросила Ринальдо.

– В караулке, тут у ворот.

В караулке, снаружи декорированной рустованными колоннами и пилястрами с затейливой каменной резьбой, было светло и чисто. На табурете сидел, согнувшись и обняв себя руками, худой парнишка.

– Ну, герой, говори. Ты хотел видеть королеву, я перед тобой.

– Врете! Королева не такая!

– Я думала, автор популярных скабрёзных песенок знает, о чем пишет. А ты, значит, просто фантазер и лгунишка. Выпороть, чтоб не повадно было, и выкинуть его из столицы, – я поднялась с табурета.

Ринальдо протянул руку, парнишка заверещал и забился в угол.

– Нет! Нет! Меня нельзя из столицы! У меня брат маленький! Он с голоду умрет!

– Ну-ну, ври дальше, – я отвернулась к окну.

– Вы-ы... не королева! Она ходит голая по дворцу. А вы одетая! Все лакеи прислуживают без штанов. Это все знают!

– Почему без штанов?

– Чтоб удобнее было! Эти, оргии проводить.

Я умилилась. Надо же, какие слова выучил этот мальчик.

– Юноша, вы вообще видели голую женщину хоть раз? Кто вам весь этот бред внушил? Что королева не расстается с хлыстом из человеческой кожи, пьет кровь, что выбирает каждую ночь нового любовника и утром его казнит, что носит ожерелье из отрезанных детородных органов – кто это придумал? Что держит только старых и уродливых фрейлин? Что молодых дам лично потрошит и принимает ванны из их крови?

– Я, – прошептал парнишка и покраснел.

– Талантище! – рассмеялась я. – Какая необузданная фантазия девственника! Вы понимаете, что совершили государственное преступление, за которое полагается виселица? У

вас есть личные причины для ненависти?

– Нет! Это же просто слова! Он сказал, мне ничего не будет!

Я хищно улыбнулась и посмотрела на Ринальдо. Он кивнул. Примерно месяц назад в столице появились листовки с дерзкими стишками. Законопослушные горожане кидали их в помойку, но они появлялись снова. К тому же уличные мальчишки начали их горланить на каждом шагу.

Ринальдо считал это просто хулиганскими выходками черни, но я сильно встревожилась. Этак мы дойдем до призывов «Вся власть Совету и долой самодержавие!». Поэтому приказала меры принять самые жесткие. Типографию сожгли, хозяина повесили, мальчишек отлавливали. Их родителей ждал крупный штраф и принудительные работы. Пусть трудятся на благо общества, если сделать детей время было, а следить за ними – нет. Юных бунтовщиков я приказала отправлять в закрытую военную школу, раз некому их воспитывать. Постоянная занятость, суровая дисциплина и здоровый коллектив очень способствует выветриванию дури в голове.

Теперь же передо мной был автор этих высоколитературных произведений. Признаться, я ожидала увидеть взрослого, наглого продажного писаку, а тут доморощенный талант, у которого явственно бурчит в животе.

– Говоришь, братишка есть. Сколько же ему?

– Семь, – буркнул талант.

– Как думаешь, ему на пользу пойдет чтение твоих произведений? Он будет гордиться тобой?

– Да вы что!?! Это не для детей вовсе! – возмутился юный гений.

– Так кто же тебя надоумил? Денег дал, да? Много?

Гений утер нос. Тоскливо посмотрел в окно.

– Хорошо. Мне некогда ждать пока ты созреешь. Отправишься в камеру.

– Нет! Нет! Брат один дома, голодный!

– Что ж ты о нем не думал, когда писал эту дрянь? Плевать тебе на брата!

Через пять минут слез, соплей и торопливых признаний Ринальдо получил приметы заказчика и тут же вышел раздать указания.

– Ну что ж, усмехнулась я. – За братом присмотрят. Теплую и сухую камеру обеспечат. Бумаги и карандашей дадут. Попробуй сочинить что-то более достойное. Если мне понравится – я подумаю, что с тобой сделать, юное дарование. Талант – это великий дар, не трать его так глупо. Если ты ни на что не способен, кроме пасквилей – брата усыновят приличные люди, ты его никогда не увидишь. Зачем ему брат, за которого ему будет стыдно. Учти, на виселицу ты уже насочинял, твой приговор только отложен.

Ринальдо укоризненно на меня посмотрел. Я подняла бровь. Ну да, манипулировать людьми приходится. Шантажировать, принуждать, использовать, а как иначе? У меня

авторов нет! Детских книг нет! Если для мальчиков есть хотя бы описания путешествий, то для девочек одни молитвенники и советы по рукоделию.

Для простонародья – сборники жутких сказок о мертвецах и оборотнях. Самые безобидные – о хитрых обманщиках, получающих подлость и предательством полцарства и прекрасную принцессу. А как принцесса-то была рада получить беспринципного неумытого простолюдина в мужья! Как прикажете внедрять чистые идеалы в людей, вытаскивать хорошие качества, если с детства одна грязь, боль, кровь и обман?

Мне надо воспитывать детей на идеалах благородства, дружбы и любви к своей стране. И укреплять веру в добрую, справедливую королеву. Вести жесткий контроль за экономикой и тщательное отслеживание информации, достигающей населения. Народ должен быть сыт, весел и счастлив. К сожалению, с уже сформировавшимся обликом развратной и похотливой королевы бороться поздно. Ну что ж, это не самое худшее, хуже было бы, если б мне приписывали поднятие нежити или каннибализм. А сладострастие... что ж, этот порок привычный, он всем понятен. Значит, надо использовать это на пользу: конкурировать за внимание королевы станут многие, и не самые худшие лэрды, прошу учесть.

Пока что я собственноручно занималась своим пиаром, писала небольшие пьески для уличных представлений, стишки и песенки. И я, как никто другой, понимала, что лю-

бовь народа надо тщательно пестовать и заботливо формировать. Будет любовь народа – черта лысого меня граф Штернблум с трона спихнет. Я на этом троне красивее смотрюсь.

Глава 8

– Был первый муж богат и глуп, свою жену не удержал
Хей-хо-хей, поди её поймай!

Второй же муж имел гарем, и это нравилось не всем,
Хей-хо-хей, поди её поймай!

А третий муж бесплодным был, не жаль, что голову сложил,

Хей-хо-хей, поди её поймай!

И лишь четвертый в цель попал, стране надежду даровал.
Хей-хо-хей, а он её поймал!

– Хорошо, распечатать и всем бродячим трупам раздать текст с нотами. Пусть поют, – распорядилась я, потеряв виски.

– Вероника, зачем эта гадость? – Ромео покинул листок вверх и, поймав, смял его. – Это так грубо!

– Это не гадость. Это будущий фольклор, – возразила я и терпеливо объяснила: – Единство страны в общности языка, школьной программы и вот в этом. Шутки, понятные и на севере, и на юге, сплачивают людей. Не разрозненное стадо, а единый сплоченный народ, вот что мне нужно.

– У нас никогда такого не было.

«У вас не было попаданки, вооруженной знаниями двадцать первого века», – подумала я. Психология, социология,

политология, теория управления и все остальное. Нет, я вообще не специалист-администратор, я лишь рекламщик.

Везет нормальным попаданкам, борются за одного статусного мужика и естественно, всех побеждают внезапно прорезавшейся магией и своей неземной красотой. А гордый богач и аристократ, принц или герцог, естественно, преклоняется перед маловоспитанной хамкой, почитая за величайшее счастье доступ к ее промежности. Все закукливаются на семейных радостях, пеленках-распашонках, и на этом книга обычно заканчивается.

Вот бы кто описал страдания этого несчастного герцога или графа, которого на каждом шагу позорит не признающая этикета крикливая дура. Кстати, если верить книжкам, принцев, герцогов и графов намного больше, чем крестьян, иначе бы откуда столько осчастливленных попаданок взялось?

Мне пришлось отучаться от привычки ругаться и сквернословить, уж очень я привыкла в своем мире обзывать всех козлами, придурками, свиньями и идиотами, эмоционально реагировать на любое проявление негатива, так что воспитанием тоже похвастаться не могла. Не ходили за мной строгие гувернантки. Мне повезло, что моей учительницей стала княжна Роквальд. Правда, она не знала, что я у нее учусь, я же тогда притворялась служанкой. Но материал для сравнения был, и увы, он оказался не в мою пользу. Просто я честно не стала выдавать собственные недостатки за достоинства. Я не автор фэнтези. Не стала называть несдержанность – ис-

кренностью, бестактность – прямотой, а грубость – эксцентричностью натуры, за которую меня и полюбил бы ошарашенный моей красотой герцог или принц.

Или вот везучим иномирянкам выпадает оказаться в академии с холостым, знатным и богатым ректором, вот уж где веселье! Беззаботные студенческие годки я бы вспомнить не отказалась. Без того пришлось учиться абсолютно всему, даже ходить, сидеть и разговаривать.

Или оборотень вдруг какой наскочит, истинная пара, и оп! обеспечена тебе любовь и верность до гроба, будь ты хоть косая, рябая или колченогая. Мне вот надо бороться не за, а против, и заодно в стране навести полный порядок. У Штернблума магия, а у меня знания. Только как бы не скопытиться от непосильного бремени бесконечных дел и забот.

Да, я хотела бы домик на берегу теплого моря, стабильный пассивный доход, и жить там с моим мальчиком. Мне хватило бы скромных житейских радостей для счастья. Удавшегося пирога, блеска натертых полов, пышных ирисов и флоксов у крыльца. Только кто бы меня в покое оставил? Уж на что незаметно мы жили в Иллирии с Гертрудой, да и то жалкий дворянчик, которому я приглянулась, в один момент смог разрушить все нашу идиллию с помощью доноса и продажного судьи. А сколько Труде приходилось вкалывать! А чтоб не быть жалкими и угнетенными, пришлось возвращаться, лезть на пирамиду, заявлять права на трон. Да в гробу бы я его видела, честно говоря! Вместе с парчовым балдахином.

Мне трудно приходится. Но я не сдамся. Всю страну разворошила реформами, не могу я уже отступить. В меня люди верят.

– Идем спать? – отвлек меня от раздумий голос Ромео.

– Да, поздно уже, – согласилась я.

– И... можно позвать Гвеналю?

Подумав, я отказалась. Как-то не была готова присутствовать и участвовать в подобных игрищах, предпочла бы, чтоб меня хотели, а не воспринимали в постели, как неизбежное зло. Так уверенность в своей неотразимости и привлекательности утратить можно! Какие уж тут радости секса!

– Напрасно. Ты нравишься Гвеналю, – огорчился Ромео.

Я пожала плечами. Мальчик во дворце без году неделя. Пока что он почтителен, услужлив, старается безукоризненно выполнять свои обязанности, и не отсвечивать. Но разве бы я выбрала его в любовники? Да никогда! Нет в нем ощущения мужской силы, ареола властности, как например, в короле Эрберте. Нет изысканности, красоты и нежности Ромео. Спать с ним из жалости? Не хочу. Да он же первый меня возненавидит, как только это почувствует! А он почувствует, судя по его внимательным и осторожным взглядам, он постоянно анализирует обстановку и делает выводы.

Какое счастье, что я ни в кого не влюблена! Сидела бы, как ревнивая кошка, караулила красавца-мужа и ерундой страдала бы.

Я потянулась, не открывая глаз. На талии, как обычно, ле-

жала тяжелая рука Ромео, а сам он уютно сопел мне в макушку. С первого дня после свадьбы муж заявил, что спать в моей постели его священное право и обязанность, и отдельная спальня для сна ему не нужна. Пусть остается, но не для сна. Думаю, после грязной истории с виконтом он боялся спать один. Мне не жалко, кровать вместила бы шестерых гвардейцев. Если бы Ромео храпел, я бы его сразу выставила, но он не храпел.

Я слегка отодвинулась от мужа и неожиданно уткнулась носом в горячее тело. Тут же открыла глаза. Передо мной была голая мужская грудь с плоским светло-коричневым соском. Наглая бусинка вызывающе торчала перед лицом, и я тут же бездумно прикусила ее, зализала и снова втянула в рот. Хриплый вздох был мне ответом, и чьи-то осторожные пальцы прикоснулись к бедру, пробежались вверх и вниз. Я поставила ладонь на белую горячую кожу и подняла глаза. Кто у нас тут настолько оборзел? Глазами голодной кошки на меня смотрел Гвеналь. Он нервно облизнул нижнюю губу.

– Лэрд, вам кто разрешил забраться в постель? – прошептала я. Нет, конечно, можно было завизжать, но Ромео не был бы мне благодарен за такое пробуждение, все-таки семейная жизнь требует компромиссов. Особенно – уважения к сну супруга. К тому же я несколько не была напугана. Нас голой мужской грудью не напугаешь!

Вместо ответа Гвеналь протянул загибающие руки, одну мне под голову, вторую на талию и притиснул меня к себе.

А потом поцеловал. Нет, ну это вообще наглость! Сначала он посасывал и нежно прикусывал мне губы, потом кончик языка скользнул в рот. «Ну, удиви меня», – цинично подумала я и приготовилась минутки две потерпеть, чтоб затем высмеять и выгнать из спальни с позором. Даже глаза закрыла, чтоб не мешать, пусть парень старается, покажет, что умеет.

Пахло от него вкусно, цветущим яблоневым садом и немножко мятой, я сама не заметила, как увлеклась и стала отвечать на поцелуи. Кажется, Гвеналь даже дышать перестал, вылизывая мне рот, исследуя языком. А вот бессовестные руки уже обследовали спинку, ягодицы, пощекотали подколенную ямку, теперь пробираясь по внутренней поверхности бедра к самому сокровенному. Вот хоть убейте меня! Никакой это не скромный стеснительный юноша. Его прикосновения говорили о немалом опыте и об огромном удовольствии, которое он сейчас получал, лаская меня. Ну, не так прикасаются по приказу или по обязанности! Он просто фонтанировал волнами желания и острого возбуждения.

Я по-прежнему держала ладошку на его груди и слышала, как стучит его сердце. Хм, а не такой уж он и тощий. Кое-какой рельеф есть. Так, ну-ка собрала мысли в кучку! Ты что, всерьез думаешь о том, какой план тренировок расписать любовнику собственного мужа?!

Гвеналь покрывал поцелуями шею, ключицы, провел языком по яремной ямке и приступил к пыткам. Иначе не скажешь! Он поглаживал, облизывал, прикусывал попеременно

то одну, то другую грудь, не забывая поглаживать животик и бедра. Да что же он творит-то, гад! Я невольно выгнулась, тут же горячая ладонь накрыла венерин холмик, а палец проскользнул между влажных створок, дразня и выписывая кружочки вокруг самого сокровенного.

Больше я не стала терпеть, сама провела рукой по груди, плоскому животу и сдернула покрывало. Большой налитой член приветствовал меня хлопком по животу хозяина, на котором тут же влажным пятном отпечаталась смазка. Гвеналь прикусил губу и задрожал, когда я прикоснулась к его орудию и стала обводить головку пальчиком, распределяя смазку.

– Вы... – хрипло выговорил Гвеналь.

Я тут же прижала палец к его губам. С видом отчаянной решимости Гвеналь положил мою ногу себе на бедро, скользнув горячим стволом по входу. Он показался мне просто обжигающим, это было так волнующе приятно. Я укусила Гвеналь за сосок, и он тут же толкнулся бедрами, входя внутрь и тут же выскальзывая обратно. Вот ведь гад какой! Я возмущенно взглянула на него. Господи, какая у него, оказывается, красивая улыбка. И ямочки на щеках.

Я потянулась за новым поцелуем, тут же оказавшись на спине и заполненная тугой тяжелой плотью до отказа. Мой стон выпил Гвеналь. Он дал мне время привыкнуть к своему размеру и начал осторожно и неторопливо двигаться во мне, покачиваться, растягивая стенок. Я удовлетворенно

вздохнула и обняла его спину. Беззащитное горло оказалось перед моим лицом, и я тут же укусила его, зализала укус и снова укусила. Гвеналь дернулся и ответил мне резким ударом бедер. Толчки стали глубокими, но мне хотелось большего, я сильно сжала мужские ягодицы, и выгнувшись, скрестила лодыжки на поясице своего любовника. Да, уже своего. Мне понравилось, скрывать нечего.

Любовники – как платья, не надо смотреть на вешалке, обязательно надо примерить! Никогда бы не подумала, что Гвеналь настолько хорош.

Гвеналь быстрым движением подхватил мои ноги, закинул на свои плечи и продолжил быстро и сильно двигаться. Влажные шлепки, мягкое касание тяжелой мошонки к входу, небольшая помощь ловких пальцев и я содрогнулась в наслаждении. Как настоящий джентльмен, Гвеналь дал мне переждать, отпустил мои уставшие ножки и начал снова двигаться. Мне на нос упала капля трудового пота.

Я повернулась влево и тут же встретила с заинтересованным взглядом Ромео. Конечно, мы его разбудили! Хотя Гвеналь был на редкость тихим – ни стонов, ни вскриков, только чуть более тяжелое дыхание.

– Доброе утро, – прошептала я. Гвеналь вздрогнул и замер.

– Продолжайте, я с вами! – Ромео совсем откинул одеяло, показывая полную утреннюю боеготовность. – Я быстро!

Ромео сбегал в купальню и действительно быстро вернул-

ся, довольно улыбаясь. Его член заблестел от смазки, которой Ромео совсем не пожалел. Честно говоря, я подумала совсем другое, но муж забрался на кровать позади Гвеналья, и через миг меня придавили сразу два тела. Гвеналь уперся на вытянутых руках, давая мне дышать, а Ромео толкался сзади, вжимая его в меня.

Гвеналь отвернулся, его лицо исказилось. Я заметила в его глаза стыд и сожаление. Не так реагируют на ласки любовника, совсем не так! Движения его стали механическими, тело напряглось. Да он же притворяется, вдруг поняла я. Ему вовсе не Ромео нужен! Он только терпит его проникновение. В этом момент Гвеналь посмотрел на меня и, кажется, понял, что выдал себя. Он густо покраснел и прикусил губу до крови.

Ромео застонал и вышел из тела любовника. Шлепнул его по ягодице, и ушел в купальню, весело посвистывая.

– И что это было? – тихо спросила я.

Вместо ответа парень вздохнул, обхватил меня за талию и перекатился на спину, так что я оказалась сверху. Ого, да мы не утратили твердости духа! Неожиданно. Я качнулась вперед-назад. Гвеналь шумно выдохнул и прикрыл глаза. Я наклонилась и зализала ранку на его губе.

– Больно?

– Нет, – выдохнул он, подхватывая меня под попку.

Бедный Ромео. Этот мошенник обманул его. Он упирался пятками и подбрасывал меня вверх резким движением таза,

под собственным весом я нанизывалась на него необычайно глубоко, до упора, до самого сердца, и это было восхитительно. Но, разумеется, не оправдывало его вранья.

– Вы... позвольте мне... кончить... – просипел он. Мокрые волосы прилипли к его лбу, я наклонилась, укусила за мочку уха и прошептала:

– Да.

Гвеналь прижал меня к себе так сильно, что я не смогла вдохнуть, и содрогнулся всем телом. Во мне пульсировало его удовольствие, а я лежала щекой на груди обманщика, слушая, как успокаивается бешеный стук сердца.

– Отпусти, дышать трудно, – он тут же разжал руки.

Я сползла с мокрого тела и упала на спину. Да уж, утреннюю пробежку можно не делать. Зарядка была более, чем эффективная.

Бодрый и свежий Ромео вышел из купальни и ухмыльнулся, глядя на нас.

– Любовь моя, я прикажу подать завтрак на троих, – сказал он.

– Простите, это неудобно, – Гвеналь встал и поспешно прикрылся рубашкой. – Я не смею.

Не смеет он. Опять начал играть стыдливого мальчика. Только между худых бедер красноречиво сползает липкая жидкость. Я встала, взяла слабо упирающегося Гвеналья за руку и повела в купальню. Решила не накидываться с вопросами. Утро выдалось прекрасным, пусть парень побудет в

уверенности, что глупенькая Вероника ничего не заметила. Подозрения подозрениями, а вопросы могут спугнуть и насторожить.

Бассейн из зеленого мрамора позволял совершить омовение хоть пятерым. Погрузившись в горячую воду, я поманила юношу, робко стоящего у входа, пальчиком.

– Идите сюда. Воды на всех хватит.

– Это такая честь для меня, – Гвеналь несмело вступил в воду.

Да, переспать с королевой, это так, мелочи, с кем не бывает. А вот в ее ванне искупаться – большая честь. Неправильные приоритеты у парня. Фыркнула. Я все время забываю, что на вид я младше его, все время думаю о нем, как о мальчике. А мальчик – хищная рыбка, явно равнодушная к своему полу. И что же заставило его пойти на это? Точно не страсть к Ромео. Играет он отлично, но все же, все же в чем-то мужской взгляд на постель себя оправдывает: не будь сегодняшнего утра, я бы и не подумала о притворстве. В постели человек раскрывает свою натуру. После постели можно выводы делать и знакомиться.

Интересно, наш враг добирается до меня или до Ромео? До Ромео добираться уже бессмысленно. Он сделал свое дело, весь дворец в курсе моей беременности. Если консорта убрать из дворца, то уже ничего не изменится ни в политике, ни в экономике. Значит, охота велась на меня. Разумно, я бы на Гвеналья не посмотрела, будь он даже последним мужчи-

ной во дворце. Ну что ж, подождем дальнейших действий. Если мои враги рассчитывают, что я поверю в лживые слова, подкрепленные отличным сексом, то их ждет глубокое разочарование. Глубже Марианской впадины.

После плотного завтрака мы все разошлись работать. Гвеналь, бросив на меня исподтишка страстный взгляд, пошел вслед за Ромео. Бедный мальчик, охмурять мужа и жену одновременно, и так, чтоб муж не заметил – это... квалификация! Я бы, наверное, не смогла.

– Катарина, – позвала я секретаря. – Что ты думаешь о лэрде делла Брушен?

– Я собрала сведения о нем, как вы приказывали. Вот, – девушка положила листок мне на стол. Так, что там?

Родился в Мильрейне. Двадцать пять лет. Осиротел в десять. Одаренный, уровень шестой. Прибился к семье делла Брушен с помощью двоюродной сестры, которая вышла замуж за барона. А, так он даже не урожденный Брушен? А как его настоящая фамилия? Кров ему предоставили, но на учебу денег пожалели. Закончил школу домашней прислуги?! Официант? Стюард? Бармен? Дополнительные специальности: собутыльник-компаньон. Накопил денег самостоятельно, поступил в школу младших судейских чиновников, через год сдал экзамен на помощника дознавателя. Два года при городском суде Мильрейна, перевод в столицу.

Я побарабанила пальцами по столешнице. Шестой уровень, надо же. Зарытый в землю талант. В академию берут,

начиная с четвертого. У Ромео всего второй. Школа при-
слуги, какая насмешка судьбы. Каково ему было жить, зная,
что он способен на большее? Менее талантливые ровесники
поедут учиться, станут магами, а он – нет? Идеальный объ-
ект для манипуляций: слегка разжечь честолюбие, указать
на блестящие возможности и направить в нужную сторону.
Из заштатного городка в столицу? И у кого же он там был
дипломированным собутыльником-компаньоном, у Главно-
го судьи?

Подошла к подробной карте Элизии и нашла на севере
крохотный кружочек. Твою мать! Как же я упустила! Оби-
тель. Половина жителей Мильрейна работает на Обитель,
обрабатывая ее поля и сады, растя скот и занимаясь ре-
меслом. Привет от Примаса, вот кто наш милый Гвеналь.

Сыграть на чувствах обиженного мальчика, поманить его
перспективами, обласкать и вылепить преданного помощни-
ка. Разумно. И просто. В случае провала Лилиан начинает
действовать делла Брушен. Или оба работают одновременно.

– Лира Катарина, вызовите начальника стражи, – прика-
зала я и села писать приказ об аресте Гвеналья делла Бру-
шен. Хотелось поиграть, походить по краешку, докапываясь
до правды, подразнить парня, но, если в дело замешан При-
мас, рисковать не стоило. И медлить – тоже. Тут уж не до
игр. Мало ли какие у него артефакты и чему его могли обу-
чить, с его-то уровнем! Вот думаешь, что пригрела на груди

безобидного ужака, а это оказывается, черная мамба⁶.

Ринальдо внимательно прочитал приказ. Нет, он не позволил себе ничего выразить на лице. Но все же переспросил:

– Блокаторы? Допрос второй степени?

– Неясно написано? – я злилась. На себя, в основном. Самой мальчика было жалко под пытки отдавать. Ромео будет страдать. Ну, хотя бы людям придумывать ничего не надо, станут считать меня ревнивой злобной дурой. В облик королевы это вполне вписывается. Нет ничего логичнее устранения соперников. А благосклонность консорта к неизвестному чиновнику при дворе заметили, тут люди глазастые.

– Прикажете немедленно выполнять или отсрочить?

– Выполняйте. Арест произведите поаккуратнее, желательно, чтоб мой муж не присутствовал. Максимально вежливо. Чтоб он понял, что его ведут в тюрьму перед дверью камеры, не ранее. Необученный сильный маг нам полтюрьмы может разнести от испуга. Через полчаса пройдем на полигон, посмотрим, каких успехов достигли кандидатки в мои фрейлины.

– Будет исполнено, ваше величество, – Ринальдо щелкнул каблуками. Хорошо ему, приказали – выполняй, а мне тут мучайся угрызениями совести. Королевам совесть не положена, а вот же, ноет, зудит, беспокоит, как камешек в туфельке.

⁶ Черная мамба – африканская очень ядовитая, агрессивная и быстрая змея длиной до 3 м.

На полигоне царило веселье. Одетые в холщовые штаны и такие же куртки девушки преодолевали полосу препятствий. Если дистанцию для бега и бревно длиной пять метров, шириной десять сантиметров они еще кое-как преодолевали, то трехметровый деревянный щит с выступами не осилила треть конкурсанток. Одна зависла наверху и отказывалась слезть, намертво вцепившись в опору. Но после щита было самое интересное! Яма с жидкой грязью, накрытая сеткой.

– Бедняжки, – с болью в голосе сказала Катарина.

– Поверь мне, грязь легко смывается, – хмуро сказал я, прищуриваясь.

– Лэрд деи Сондерс подал жалобу, – объяснила Катарина. – Я приготовила ответ.

– Что написала?

– Что мы насильно никого не держим, а ответственность работы фрейлины такова, что изнеженные слабонервные особы нам не подходят.

– Правильно, – одобрила я. – Деи Сондерс, Сондерс. А! Департамент иностранных дел. Вот кто у нас не посещает обязательные оргии, наглость какая! Еще и жаловаться смеет.

– Его старшая дочь Эвелин была фрейлиной при короле Дориане, напомнила Катарина. – А младшая вон, выползает из-под сетки. Ее имя Магали́.

Синеглазая брюнетка, с ног до головы в грязи, гордо задрала нос и подошла к сержанту. Первая и пока единствен-

ная.

– Честолюбия и упорства ей не занимать, – пробормотала я с невольным уважением. – Ну и семейка. Сержант! – крикнула я. – Снимите уже с щита это пугало, она разогнала своими воплями всех птиц в парке!

За ногу двое гвардейцев стянули несчастную.

Девушки выстроились неровной шеренгой. Грязные, потные, растрепанные. Глаза злые.

– В свете того, что скоро появится наследник престола, кому-то из вас будет доверена его жизнь и воспитание.

– Я согласна! – быстро выкрикнула полная девица, которая при мне дважды свалилась с бревна.

– И я!

– Я тоже согласна! У сестры четверо детей, я умею обращаться с маленькими, – выпалила нежная фиалка и тут же покраснела от собственной смелости.

– Прекрасно! Для вас программа будет расширена. Самооборона, вольтижировка, умение править каретой, кулинария для самых маленьких и начальный курс лекарской помощи для детей. Не волнуйтесь, у вас есть время на подготовку, месяцев так девять. Лира Катарина, запишите их имена!

Дружный стон был мне ответом. Ожидали послабления? А не выйдет.

– Может, зря вы их так нагружаете? – шепотом спросила Катарина.

– Да они мне вовсе не нужны! Тьфу! Ручки-веточки, нож-

ки трясутся, язык прилип к гортани. Смотреть противно.

— Но ведь они благородные лиры. Стихи писать их учили, а драться точно — нет.

Я только хмыкнула. Ринальдо как раз подготовил мне список отставников. Бравые заслуженные вояки пойдут инструкторами по самообороне в приюты и пансионы. Королевская программа укрепления здоровья. Физическая подготовка станет обязательной для обоих полов. Представляю, какую бурю возмущения это вызовет. Дамы из благотворительного комитета и так считают, что я слишком смело ввожу новые предметы в образовательную программу. Ничего, потерпят. Физические упражнения полезны для здоровья, в первую очередь. Стране нужны здоровые матери здоровых детей, а не бледное хилое поколение.

Надо сочинить несколько историй, как смелая девушка спасла всю семью, или младших сестер от разбойников, дом от пожара, город от наводнения, страну от дракона и прочее героическое фэнтези. В стране, где даже нет понятия «заказная статья», люди поверят печатному слову, как миленькие. Пусть пяти-семилетние девочки настраиваются на подвиги, а не на свадьбу, как предел мечтаний. Ломать привычную схему воспитания очень сложно. Поэтому я открываю школы и пансионаты. Чтоб оторвать детей от привычного, косного уклада жизни, заветов предков и поросших мхом традиций. «Она же де-е-вочка» для меня вообще не аргумент. Как сказал в свое время сенешаль короля Дориана: «И де-

вочку можно воспитать человеком, если не пожалеть сил и времени».

Я еще раз критически осмотрела тяжело дышащих, покрасневшихся, потных девушек. Будущее Элизии пока не впечатляло.

– Ваше величество! К вам делегация Гильдии виноделов, – подбежал лакей.

– Ну что ж, идем править, – вздохнула я, покидая полигон.

Глава 9

Сидя на пуфике, я расчесывала волосы, отказавшись от помощи служанки. Чуть слышно скрипнула дверь смежной спальни. Ромео в черном шелковом халате, как всегда, божественно красив. Я продолжила водить щеткой по локонам, без того уже гладким, и улыбнулась мужу.

– Ты выглядишь встревоженным. Что-то случилось?

– Гвеналь пропал, – спокойно сказал муж, но я чувствовала, как он взволнован. – Он пошел к мажордому выбрать помещение для моего кабинета и не вернулся. Его никто больше не видел.

Ну, еще бы! Я бы удивилась, если бы кто-то стал непрошеным свидетелем, ведь сама просила Ринальдо провести все тихо. Вздохнула. Сделать вид, что ничего не знаю или сказать неприятную правду?

– Ромео, мне бы не хотелось недомолвок и лжи между нами, – сказала я, ловя в зеркале его взгляд. – Я приказала его арестовать.

– У тебя были веские причины для этого?

– Конечно. Я приревновала, – искоса посмотрела на Ромео.

Муж криво усмехнулся, запустил пальцы в свои кудри, превращая голову в гнездо. Жестом я поманила его к себе и указала сесть у моих ног. С удовольствием начала расчесы-

вать, благо щетка так и оставалась в руке.

– Кто угодно, но не ты, – сказал Ромео, закрывая глаза и отдаваясь моим рукам. – Чем тебе помешал Гвеналь? В ревность я не поверю.

Я перебирала шелковые пряди, слегка массировала голову мужа. Должно быть, в обиходе аристократии эти простые знаки внимания и заботы были не приняты, потому что муж довольно шурился и едва ли не мурлыкал.

– Ромео, ты помнишь те моменты, когда я считала тебя предателем? Помнишь, ты сообщил в столицу о побеге из Шардана? И меня встретили тюремной каретой в замке твоего отца?

– Я не предавал тебя, – устало поморщился Ромео. – Я тогда считал и сейчас уверен, что поступил правильно, тебе нужна была помощь, нужен был транспорт. Не идти же тебе было от границы пешком! Думал, король Дориан позаботится о тебе, будет рад возвращению дочери.

– Но меня арестовал твой любимый граф Штернблум и отвез в тюрьму, – прошептала я мужу на ухо. – Он мне сказал, что сведения передал ты. У меня были основания считать тебя предателем?

– Да, – согласился Ромео. – Учитывая твою обидчивость и злопамятность – да.

– А когда ты разорвал помолвку, чтоб уступить меня Адемару, рвущемуся к трону, я могла считать тебя предателем?

– Но у меня не было выбора! Лучше перестать быть жени-

хом, чем помолвка будет разорвана в связи со смертью жениха! Они бы все равно добились вашего брака, я не стал геройствовать. Да, я трусил, – признался с горечью Ромео. – Ты правильно сочла меня трусом и предателем. Мне не следовало отказываться от тебя.

– Ну, мы оба знали, что наша помолвка была для отвода глаз. Но обижаться я имела право?

– Имела, – вздохнул Ромео. – Любая невеста, от которой беспричинно отказался жених, вправе счесть себя оскорбленной. А ее семья имеет право на компенсацию. Но какое отношение все это имеет к Гвеналю? Или ты просто заговариваешь мне зубы?

– Прямое, – я закончила расчесывать мужа и чмокнула его в ухо. – У меня есть основания подозревать его в предательстве. Боюсь, он шпион Примаса. И здесь по его приказу вынюхивал и высматривал наши маленькие семейные тайны. Достаточно грязные, чтоб вызвать бурю возмущения в народе, недовольство в Совете, протесты в армии, и пристальный интерес других государств.

Ромео глубоко вздохнул и снова взъерошил волосы.

– Спасибо, что сказала, Вероника. Я оценил твою откровенность. И то, что не попрекнула меня плохим выбором, ведь ты изначально была против.

– Выбор был не плохой, – возразила я. – Он мне даже понравился. И у нас могло бы все получиться. Мне жаль. Но... – нет, этого я сказать не смогла. Что Ромео разыграл низкий

притворщик, что обманул его в лучших ожиданиях, притворившись влюбленным. Что помощник мужа вообще не по мальчикам, а очень даже наоборот, и в этом я не сомневаюсь. Вместо этого я закончила фразу по-другому. – Постараюсь во всем разобраться как можно скорее.

– Кстати, ты можешь сказать, почему не разрешила приехать на свадьбу моим родителям? Матушка шлет слезные письма. А помещьем, как своим, распоряжается коронный управляющий. Отец гневается.

– Потому что твой отец, старый параноик, не в обиду тебе будь сказано, хотел меня публично выпороть и сдать стражникам. Когда я, измученная долгой дорогой, мечтала о ванне и горячем сытном обеде после утомительного пути.

– Но я же дал тебе письмо и родовое кольцо в знак помолвки!

– Твой папаша решил, что я шлюха и воровка, кольцо краденое, а письмо тебя заставили написать мои сообщники-бандиты. Он не поверил ни одному слову. Поэтому я лишила его права распоряжаться слугами и имуществом. Не хватало еще, чтоб он вообразил кого-то наемным убийцей или отравителем.

– Отец всегда был... излишне резок, – признал Ромео. – Он явно перестраховался.

– Он явно болен, – не согласилась я. – Если бы не вмешательство твоей матери, меня бы выпороли во дворе на потеху дворне. До сих пор вздрагиваю от ужаса.

– Прости его. И меня. Я оказался никудышным прикрытием. Хотел защитить тебя, но на самом деле ты все время защищаешь и оберегаешь меня. Это неправильно.

– Смотри, чтоб не потянуло на подвиги из-за уязвленного самолюбия, – сухо предупредила я. – Будь осторожен. Меня абсолютно устраивает такой муж, какой есть. Самый красивый мужчина Элизии. Умный, талантливый. Нежный. Если бы я хотела защитника и телохранителя, не убегала бы от короля Эрберта, сверкая пятками.

– Как странно, – Ромео переплел свои пальцы с моими. – Мы оба были в его постели...

– Но у нас разные воспоминания об этом, – прервала я его резче, чем бы мне хотелось. – Не хочу о нем говорить! Прости, Ромео, у меня есть еще пара дел. Ложись пока, я скоро вернусь.

Совершенно забыла сегодня навестить в лазарете Венделина. Почему не послала служанку? Потому что никто не должен знать, куда подевалась моя сестрица и чем она занимается. Граф Штенблум рыл носом землю, разыскивая ее, а она была у него под носом, в том же дворце. Так что я шла, тихонько ступая мягкими атласными туфельками по паркету, стараясь избегать освещенных мест и дежурных лакеев. Я пересекла длинную открытую галерею, соединяющую дворец с казематами и по винтовой лестнице спустилась вниз. В цокольном этаже было ощутимо прохладней, чем в моих покоях, и я поежилась, несмотря на плащ. Перед дверью тю-

ремного лазарета сидел тюремщик, и я на цыпочках подкралась к нему сзади.

– Угадай, кто! – сказала я низким голосом, закрывая ему глаза ладошками.

– Анни! – Рауль тут же обхватил мои ладони и стал покрывать их поцелуями.

– Тебя уже вернули во дворец? Я ужасно рада!

Рауль повернулся ко мне и крепко обнял. Чмокнул в макушку.

– Сам не могу поверить. Уволили, опозорили, а через два дня вернули на службу, выплатили вознаграждение, а начальника тюрьмы турнули!

– Значит, у тебя все хорошо?

– Когда ты со мной – все просто замечательно!

Однако я видела, что Рауль вовсе не так весел, как желает казаться. Он был простым деревенским парнем, и не мог скрывать движения души, как придворные лизоблюды. Что-то его томило.

– Рауль, тут, кажется, рядом пустая палата, давай зайдем, чтоб нас никто не увидел. Только загляну к магу.

Даже не стала заходить в камеру, посмотрела сквозь окошечко, послушала томные стоны и пошлые влажные шлепки плоти о плоть. Лилиан на месте и работает, я удовлетворенно кивнула. Значит, есть надежда на скорое восстановление Венделина.

Рауль за руку завел меня в больничную палату, где в тем-

ноте смутно белели койки, и закрыл дверь. Я положила руки ему на грудь. Он тут же потянулся ко мне губами. Я с удовольствием ответила на его поцелуй, но быстро отстранилась не без сожаления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.